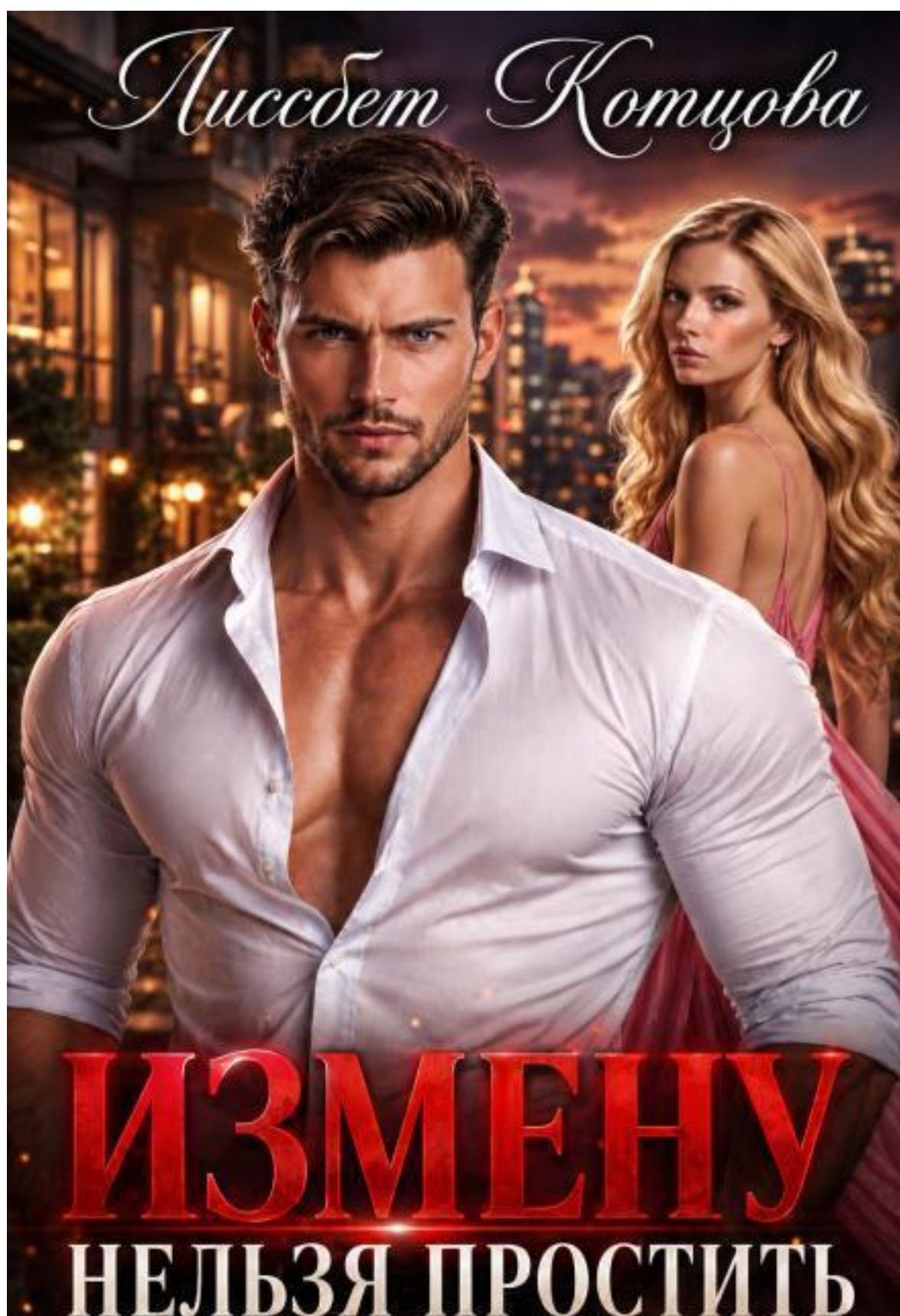

Ауссет Котцова

ИЗМЕНУ
НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ

Лиссбет Котцова

Измену нельзя простить

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Измену нельзя простить / Л. Котцова — «Литнет», 2026

♥# Я думала, что у меня идеальная жизнь. Любящий муж. Успешный бизнесмен, который когда-то увидел во мне — простой официантке из провинции — больше, чем все остальные. Красивая свадьба. Москва. Квартира, о которой я даже мечтать не смела. И сын... наш маленький мир, в котором всё было правильно. Я верила ему. Верила в нас. Верила, что такие истории не заканчиваются плохо. Пока однажды не увидела сообщение: «Я устала ждать. Когда ты скажешь ей?» Сначала я сделала вид, что ничего не происходит. Потом начала замечать. А потом... стало слишком поздно закрывать глаза. У него появилась другая. И она уже ждёт от него ребёнка. Теперь мне предстоит сделать выбор: сохранить «идеальную» жизнь... или разрушить её самой, чтобы наконец спасти себя. Потому что есть вещи, которые можно пережить. И есть то, что нельзя простить.

Содержание

Глава 1. Сообщение	5
Глава 2. Не то, что ты подумала	10
Глава 3. Первая консультация	17
Глава 4. Разговор по правилам	23
Глава 5. Та, которая устала ждать	30
Глава 6. Готова начинать заново	37
Глава 7. Собеседование	48
Глава 8. Мама приехала	58
Глава 9. Первый удар	66
Глава 10. У ворот детского сада	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1. Сообщение

В тот вечер Аркадий снова пах дорогим парфюмом, холодной улицей и чужой уверенностью.

Я поняла это не сразу.

Сначала был обычный московский вечер: за окном густела ноябрьская темнота, в стекле кухни отражались жёлтые огни соседних домов, на плите тихо булькал суп, а Арсений сидел прямо на полу посреди гостиной и строил из кубиков башню, которая по его уверениям должна была достать до самого неба.

— Мам! — крикнул он, не оборачиваясь. — Смотри, она почти как папин дом!

Я улыбнулась.

— Папин дом не такой высокий.

— Такой! — возмутился сын. — Папа самый главный, у него всё большое.

Аркадий, стоявший у окна с телефоном в руке, усмехнулся.

— Слышала? Ребёнок понимает жизнь лучше некоторых взрослых.

Я повернулась к нему с ложкой в руке.

— Некоторые взрослые сейчас переложат на самого главного человека в доме обязанность накрывать на стол.

— Только не это, — он театрально вздохнул, убрал телефон в карман и подошёл ко мне. Сзади.

Как раньше.

Его руки легли мне на талию, подбородок коснулся плеча. Тёплое дыхание скользнуло по коже, и на мгновение я снова стала той самой девчонкой из провинциального кафе, которая носила поднос с остывшим кофе и не верила, что на неё может смотреть такой мужчина.

Аркадий тогда сидел у окна. В идеально сидящем пальто, с часами, стоимость которых я даже представить не могла, и с усталым взглядом человека, привыкшего, что мир сам расступается перед ним.

— Вы всегда так хмуритесь? — спросил он, когда я поставила перед ним чашку.

Я тогда испугалась, что нахамила кому-то важному.

— Простите?

— У вас лицо такое, будто вы собираетесь уволить весь зал.

Я покраснела. Он рассмеялся. А через неделю снова пришёл. Потом ещё раз. Потом оставил чаевые больше моей смены. Потом спросил, как меня зовут.

Алина.

Он повторил моё имя так, будто оно было не простым, не обычным, а каким-то особенным.

Через год я уже жила в Москве.

Через два — выходила за него замуж.

Через три — держала на руках нашего сына.

Иногда мне казалось, что моя жизнь была чужой сказкой, в которую меня пустили случайно. И я всё боялась: однажды кто-то заметит ошибку и заберёт обратно всё — квартиру, мужа, фамилию, уверенность, что меня действительно выбрали.

— Ты сегодня красивая, — сказал Аркадий мне в волосы.

Я усмехнулась.

— Я в домашнем костюме и с ложкой.

— Вот именно.

Он поцеловал меня в шею, и я почти поверила, что всё хорошо.

Почти.

Потому что последние месяцы это слово стало жить во мне отдельно.

Почти пришёл вовремя.

Почти не раздражался.

Почти смотрел в глаза.

Почти был со мной.

— Папа! — Арсений ударил ладошкой по полу. — Ты обещал посмотреть башню!

Аркадий отпустил меня сразу. Слишком быстро, будто только и ждал повода отойти.

— Иду, командир.

Я осталась у плиты, помешивая суп, хотя он давно был готов. Смотрела, как муж садится рядом с сыном на ковёр, как внимательно наклоняется к его кубикам, как улыбается.

Хороший отец.

Красивый мужчина.

Мой муж.

Человек, которому я верила больше, чем себе.

Телефон Аркадия лежал на краю стола. Он оставил его там, когда пошёл к Арсению. Экран был повернут вверх.

Обычная вещь.

Раньше я вообще не обращала внимания на его телефон. Он мог лежать где угодно — на кухне, в ванной, у моей подушки. Я никогда не проверяла. Никогда не искала. Никогда не боялась.

Потому что доверие — это когда тебе даже в голову не приходит защищаться.

Я потянулась за салфетками.

И в этот момент экран вспыхнул.

Одно короткое сообщение.

Без звука.

Просто свет в полутёмной кухне.

Я не собиралась читать.

Честно.

Глаза сами упали вниз — на секунду, не больше.

Имя отправителя было скрыто. Только текст.

«Я устала ждать. Когда ты скажешь ей?»

Сначала я не поняла.

Мозг почему-то выхватил самые простые слова.

Устала.

Ждать.

Скажешь.

Ей.

Я замерла с салфетками в руке. Где-то рядом Арсений смеялся, Аркадий что-то говорил ему про архитекторов и большие проекты, а я стояла и смотрела на экран, пока он не погас.

В груди стало пусто.

Не больно ещё.

Боль приходит позже.

Сначала приходит тишина.

Такая, в которой слышно, как рушится твоя жизнь.

— Алин?

Я вздрогнула.

Аркадий смотрел на меня с пола. Всё ещё улыбался, но взгляд уже изменился. Внимательный. Острый.

— Ты чего застыла?

Я сжала салфетки так сильно, что бумага смялась.

— Ничего.

— Точно?

Он поднялся.

Медленно.

Слишком спокойно.

Арсений, не замечая ничего, продолжал достраивать башню.

— Мам, смотри! Ещё один этаж!

— Сейчас, малыш.

Голос получился чужим.

Аркадий подошёл к столу. Его взгляд скользнул к телефону. На долю секунды лицо осталось прежним, но я уже знала его слишком хорошо.

Он понял.

Понял, что я видела.

— Ужин готов? — спросил он.

Вот так.

Не «что случилось?».

Не «ты не так поняла».

Не «дай объясню».

Просто: ужин готов?

Я посмотрела на него.

На его идеально выбритое лицо, дорогую рубашку, спокойные руки. На мужчину, который когда-то сказал мне: «Ты больше никогда не будешь одна». На мужа, который каждую ночь ложился рядом со мной. На отца моего ребёнка.

— Да, — сказала я. — Готов.

Он взял телефон со стола и убрал в карман.

Движение было быстрым.

Окончательным.

Как закрытая дверь.

Мы сели ужинать.

Арсений рассказывал, что в садике Миша уронил компот, но сказал, что это был динозавр. Я кивала, улыбалась, подливала суп, поправляла сыну рукав, отвечала невпопад.

Аркадий ел спокойно.

Даже слишком спокойно.

Иногда он поднимал на меня глаза, и каждый раз я чувствовала, как внутри становится холоднее.

Он не боялся.

Не суетился.

Не оправдывался.

А значит, это было не случайное сообщение.

Не ошибка.

Не чужая драма, случайно залетевшая в наш дом.

После ужина Арсений попросил сказку. Обычно читал Аркадий, но сегодня сын сам потянулся ко мне.

— Мам, ты.

— Конечно.

Я уложила его, раскрыла книгу про маленького лиса, который искал дорогу домой, и читала, почти не понимая слов. Арсений быстро заснул, прижав к щеке мягкого медведя.

Я сидела рядом ещё несколько минут.

Смотрела на его ресницы, на маленькую ладонь, на мир, который мы с Аркадием создали вместе.

И впервые подумала: а что, если этот мир уже треснул, просто я услышала звук только сейчас?

Когда я вышла из детской, Аркадий стоял в коридоре.

Без телефона.

Без улыбки.

— Нам надо поговорить? — спросила я тихо.

Он посмотрел на закрытую дверь комнаты сына.

— Не сейчас.

— А когда?

Аркадий провёл рукой по лицу. Впервые за вечер он выглядел уставшим.

— Алина, ты увидела то, что не должна была видеть.

Я ждала, что он скажет: «Это не то, что ты подумала».

Но он не сказал.

И от этого стало страшнее.

— Кто она? — спросила я.

Он молчал.

В квартире было тихо. Слишком тихо для дома, в котором ещё утром жили счастье, семья и уверенность.

— Аркадий, — я сама не узнала свой голос, — кто она?

Он посмотрел на меня.

И в его взгляде не было паники.

Только раздражение.

Будто проблема была не в том, что он предал.

А в том, что я узнала раньше времени.

— Не начинай, — сказал он.

Я медленно выдохнула.

— Значит, есть что начинать.

Он шагнул ближе.

— Ты сейчас на эмоциях.

— А ты на чём?

Впервые за много месяцев я увидела, как его лицо стало жёстким.

— Осторожнее, Алина.

Вот оно.

Не вина.

Не раскаяние.

Предупреждение.

Я вдруг вспомнила себя прежнюю: девочку с подносом в руках, которая боялась любого недовольного взгляда. Женщину в свадебном платье, которая плакала от счастья, потому что кто-то наконец выбрал её. Мать, которая готова была закрывать глаза на холод, задержки, чужой запах на рубашке, лишь бы у сына была полная семья.

И поняла: всё это время я боялась потерять не только мужа.

Я боялась снова стать никем.

— Когда ты собирался сказать мне? — спросила я.

Аркадий отвернулся.

Этого хватило.

Всё внутри оборвалось не громко, не красиво, не как в кино.

Просто что-то важное перестало держаться.

— Она беременна? — спросила я почти шёпотом.

Он резко посмотрел на меня.

И я получила ответ раньше, чем он успел открыть рот.

Да.

Я прикрыла глаза.

Где-то за стеной спал наш сын.

На кухне остывал суп.

В кармане моего мужа лежал телефон, в котором другая женщина устала ждать, когда он скажет мне правду.

А я стояла босиком посреди коридора и понимала: моя идеальная жизнь закончилась не сегодня.

Сегодня я просто наконец увидела её настоящей.

Глава 2. Не то, что ты подумала

Я думала, что после таких слов люди кричат.

Бьют посуду. Плачут. Требуют объяснений. Хватают мужа за рубашку и трясут, пока из него не выпадет правда — вся, до последней мерзкой детали.

Но я не закричала.

Наверное, потому что крик требует воздуха, а у меня его больше не было.

Я стояла в коридоре напротив Аркадия и смотрела на него так, будто впервые видела. Будто это не мой муж, не отец моего сына, не мужчина, рядом с которым я просыпалась шесть лет подряд, а чужой человек, случайно вошедший в нашу квартиру и принёсший с собой беду.

— Алина, — произнёс он устало. — Сейчас не время.

Я тихо усмехнулась.

Станный звук. Сухой. Непохожий на смех.

— А когда будет время? Когда она родит?

Его лицо дёрнулось.

Совсем чуть-чуть, но я заметила.

Значит, я попала.

И от этого меня чуть не вывернуло наизнанку.

— Не надо говорить о том, чего ты не понимаешь, — сказал Аркадий.

— Тогда объясни.

Он молчал.

В спальне за нашей спиной горел приглушённый свет. В гостиной стояла недостроенная башня Арсения. На кухне тихо гудел холодильник. Всё вокруг было таким обычным, что становилось невыносимо.

Разве может жизнь рушиться среди тарелок, детских кубиков и запаха куриного супа?

Может.

Моя рушилась именно так.

— Я спрашиваю последний раз, — сказала я. — Она беременна?

Аркадий отвёл взгляд.

И всё.

Ответ был дан.

Не словами. Молчанием.

Я сделала шаг назад и упёрлась спиной в стену. Холодная краска коснулась лопаток, и этот холод почему-то помог мне не упасть.

— Кто она?

— Это ничего не меняет.

Я посмотрела на него.

— Правда?

— Да.

Он сказал это так уверенно, что на секунду мне стало даже смешно. Ничего не меняет. У моего мужа есть другая женщина. Она ждёт от него ребёнка. А это, оказывается, ничего не меняет.

— Для тебя, может быть, — сказала я.

Аркадий резко выдохнул.

— Не начинай драму.

Вот тут во мне что-то вспыхнуло.

Не громко. Не ярко. Но опасно.

— Драму? — переспросила я. — Ты привёл в нашу жизнь любовницу и ребёнка от неё, а драму начинаю я?

— Тише, — он кивнул на дверь детской.

— Не прикрывайся Сеней.

Аркадий приблизился. Его голос стал ниже.

— Я не прикрываюсь. Я думаю о сыне. В отличие от тебя, которая сейчас готова устроить скандал на весь дом.

Раньше эти слова сработали бы.

Я бы сразу испугалась. Замолчала. Подумала бы: правда, нельзя при ребёнке. Нельзя разрушать семью. Нельзя быть истеричкой.

Но сейчас я вдруг услышала не заботу.

Манипуляцию.

Он не боялся за Арсения.

Он боялся, что я выйду из роли удобной жены.

— Я не буду кричать, — сказала я. — Не потому что ты попросил. А потому что мой сын спит.

На секунду в его взгляде мелькнуло раздражение. Он не привык, что я отвечаю так.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Тогда давай спокойно.

Я молчала.

Аркадий прошёл в спальню, будто это был обычный вечер после неприятного разговора о счетах или ремонте машины. Сел на край кровати, расстегнул часы и положил их на тумбочку.

Я стояла в дверях.

Нашей спальни.

Нашей кровати.

Нашей жизни.

Всё это вдруг стало чужим.

— Это было ошибкой, — сказал он.

Я почти ждала эту фразу.

В книгах и фильмах мужчины всегда говорят так, когда их ловят. Ошибка. Слабость. Случайность. Не то, что ты подумала.

Только ребёнок от другой женщины почему-то редко помещается в слово «ошибка».

— Как долго? — спросила я.

Аркадий посмотрел на меня исподлобья.

— Зачем тебе это?

— Хочу понимать размер ошибки.

Он сжал челюсть.

— Несколько месяцев.

Я кивнула.

Несколько месяцев.

Значит, когда мы летом выбирали Арсению велосипед, он уже ей писал.

Когда я ждала его на годовщину, а он сказал, что задержался на переговорах, он мог быть с ней.

Когда я болела и лежала с температурой, а он прислал мне курьера с лекарствами вместо того, чтобы приехать, он, возможно, был рядом с другой женщиной.

Несколько месяцев — это не случайность.

Это график.

Это ложь, повторённая много раз.

— Она из твоей компании?

Аркадий не ответил сразу.

И снова я всё поняла.

— Мария? — спросила я.

Его молчание стало тяжёлым, как удар.

Мария.

Его помощница.

Идеальная Мария с гладкими волосами, тонкими запястьями и голосом, в котором всегда звучала подчёркнутая вежливость.

«Алина, здравствуйте. Аркадий Сергеевич сейчас на встрече».

«Алина, он просил передать, что задержится».

«Алина, я напомню ему, что у вас ужин».

Она напоминала моему мужу обо мне.

Какая забота.

Я закрыла глаза.

На секунду передо мной всплыла её улыбка на корпоративе. Как она смотрела на Аркадия снизу вверх. Как быстро убрала руку с его локтя, когда заметила меня. Как я тогда ещё подумала: глупости, просто работа, просто помощница, просто я ревную на пустом месте.

Нет.

Не на пустом.

— Она беременна от тебя? — спросила я уже без надежды.

— Да.

Слово упало между нами и раскололо комнату.

Я не заплакала.

Слёзы были где-то далеко, будто принадлежали другой женщине. Той, которая ещё утром верила, что её семья настоящая.

— Сколько срок?

— Алина...

— Сколько?

— Одиннадцать недель.

Одиннадцать.

Я машинально начала считать.

Одиннадцать недель назад мы ездили к его матери на дачу. Аркадий тогда весь день был с телефоном, а ночью сказал, что устал и хочет спать. Я ещё лежала рядом и думала, что мы просто стали старше, спокойнее, что страсть в браке не может гореть вечно.

Господи.

Какая же я была удобная.

Я сама придумывала ему оправдания.

За него.

Для себя.

— Что ты собирался делать? — спросила я.

Аркадий поднялся.

— Разобраться.

— С чем?

— С ситуацией.

— С ребёнком?

— Не цепляйся к словам.

— А к чему мне цепляться, Аркадий? К твоей верности?

Он резко повернулся ко мне.

— Хватит.

В его голосе прозвучал приказ.

Раньше я бы замолчала.

Сейчас — нет.

— Ты собирался уходить?

Он промолчал.

И это молчание было хуже любого ответа.

Потому что я вдруг поняла: он не собирался выбирать. Он хотел, чтобы всё как-нибудь устроилось само. Чтобы Мария ждала. Чтобы я не знала. Чтобы ребёнок у неё рос где-то на стороне, а мой сын продолжал строить башни и верить, что папа самый главный.

— Ты хотел оставить нас обоих? — спросила я.

— Не говори глупостей.

— Это не ответ.

— Я не хотел разрушать семью.

Слова ударили больнее, чем признание.

Я смотрела на него и не понимала, как человек может произнести такое всерьёз.

— Ты уже разрушил.

Он шагнул ко мне.

— Нет. Разрушить можешь ты. Если сейчас начнёшь истерить, собирать вещи, таскать Сенью по судам и рассказывать всем, какой я плохой.

Вот она.

Настоящая правда.

Не любовница. Не ребёнок. Не измена.

Страх потерять контроль.

— Ты сейчас угрожаешь мне? — тихо спросила я.

— Я предупреждаю.

— О чём?

— О том, что у решений бывают последствия.

Я вдруг почувствовала, как руки стали ледяными.

Аркадий стоял передо мной — высокий, сильный, уверенный. Мужчина, который знал юристов, судей, чиновников, банкиров. Мужчина, который мог одним звонком решить вопрос, из-за которого другой человек бегал бы месяцами.

А я?

Кто я была без него?

Жена.

Мать.

Женщина, у которой даже банковская карта была привязана к его счетам.

Квартира — его.

Машина — его.

Деньги — его.

Моя жизнь — тоже, как выяснилось, почти его.

И вот тогда страх пришёл по-настоящему.

Не страх потерять мужа.

Страх понять, что я, возможно, уже давно потеряла себя.

— Ты не посмеешь забрать у меня сына, — сказала я.

Аркадий устало провёл рукой по волосам.

— Никто не собирается забирать у тебя сына, если ты будешь вести себя разумно.

Разумно.

Это слово я запомнила.

Потому что в его устах оно означало: удобно для него.

Я кивнула.

Очень медленно.

— Я поняла.

Он посмотрел настороженно.

— Что ты поняла?

— Всё.

— Алина...

— Я устала. Я пойду спать в гостиную.

— Не надо спектаклей.

— Это не спектакль.

Я развернулась и вышла.

Он не пошёл за мной.

Конечно, не пошёл.

Аркадий всегда считал, что пауза работает лучше объяснений. Дать мне ночь. Дать мне устать. Дать испугаться. Утром я буду мягче. Тише. Разумнее.

Он хорошо меня знал.

Прежнюю.

Я взяла из шкафа плед и легла на диван в гостиной. Башня Арсения всё ещё стояла на полу, чуть покосившаяся, но целая. Я смотрела на неё в темноте и думала, что наш дом был таким же.

Снаружи ещё держится.

Стоит.

Но достаточно одного неловкого движения — и всё рассыплется.

Я не спала.

Слушала, как Аркадий ходит в спальне. Как открывает и закрывает шкаф. Как включает воду в ванной. Как через час в квартире становится тихо.

Телефон лежал рядом со мной.

Я взяла его несколько раз и снова откладывала.

Позвонить маме?

Нет.

Что я скажу? Мам, мой муж изменил, любовница беременна, а я не знаю, где буду жить, если уйду?

Мама заплачет. Скажет: «Доченька, приезжай». А потом будет молчать, потому что в нашей старой двухкомнатной квартире и так живут она, отчим и младший брат. Мне с ребёнком там некуда.

Подруге?

У меня почти не осталось подруг.

Аркадий не запрещал мне общаться. Нет. Он просто постепенно сделал так, что все мои связи стали ненужными. Сначала переезд. Потом беременность. Потом маленький ребёнок. Потом его фраза: «Зачем тебе эти девочки, которые только завидуют?»

И я поверила.

Отрезала прошлую жизнь сама.

Аккуратно.

По ниточке.

Я открыла банковское приложение.

Посмотрела на баланс своей карты.

Сумма была смешной.

Карманные деньги жены богатого мужчины.

Не деньги для свободы.

Я закрыла приложение и вдруг впервые за вечер заплакала.

Тихо, беззвучно, чтобы не услышал Арсений.

Слёзы текли по вискам в волосы, и я не вытирала их. Потому что плакала уже не только из-за Аркадия. Я плакала из-за себя. Из-за той Алины, которая так старательно строила красивую жизнь, что не заметила, как оказалась в клетке.

Утром меня разбудил Арсений.

— Мам, а ты почему тут?

Я открыла глаза.

Сын стоял рядом в пижаме, растрёпанный, тёплый после сна. В руках держал своего медведя.

Я заставила себя улыбнуться.

— Уснула, малыш.

— А папа где?

— Собирается на работу.

Арсений забрался ко мне под плед.

— Ты грустная?

Сердце болезненно сжалось.

— Немного.

— Из-за меня?

— Нет, что ты. Никогда.

Я обняла его крепче, вдохнула запах детского шампуня и чего-то родного, моего. Единственного настоящего.

— Мам?

— Да?

— А мы сегодня будем делать блины?

Я закрыла глаза.

Блины.

Вот что важно в четыре года. Не измены. Не беременные любовницы. Не юристы. Не разводы.

Блины.

— Будем, — сказала я. — Обязательно.

На кухне Аркадий уже пил кофе. В белой рубашке, идеально собранный, будто вчера не произошло ничего особенного.

Он поднял глаза.

— Доброе утро.

Я промолчала.

Арсений побежал к нему, обнял за ногу. Аркадий потрепал сына по волосам, но смотрел на меня.

— Я отвезу Сеню в сад, — сказал он.

— Сегодня отвезу я.

— У меня по пути.

— Я сказала, я отвезу.

В кухне повисла тишина.

Арсений удивлённо посмотрел то на меня, то на отца.

Аркадий поставил чашку на стол.

— Хорошо.

Слишком легко согласился.

А значит, решил не давить при сыне.

После завтрака он ушёл. Поцеловал Арсения в макушку, мне кивнул, как деловому партнёру после неприятной встречи, и закрыл за собой дверь.

Я стояла в прихожей и слушала, как его шаги удаляются.
Потом быстро подошла к окну.
Внизу у подъезда стояла его машина.
Чёрная. Дорогая. Чужая.
Аркадий не сразу сел внутрь. Он достал телефон и набрал кому-то сообщение.
Я не могла видеть экран.
Но уже знала, кому.
Через минуту он уехал.
Я отвела Арсения в сад, поцеловала его на прощание, дождалась, пока он скроется за
дверью группы, и только потом вышла на улицу.
Холодный воздух ударил в лицо.
Я стояла у ворот детского сада и впервые за много лет не знала, куда идти.
Домой?
В ту квартиру, где каждая вещь теперь казалась уликой?
К маме?
К юристу?
В никуда?
Телефон завибрировал.
Сообщение от Аркадия.
«Не делай глупостей. Вечером поговорим нормально».
Я перечитала два раза.
Не делай глупостей.
Нормально.
Я вдруг улыбнулась.
Только теперь эта улыбка была другой.
Я открыла браузер и ввела в поисковую строку:
«адвокат по разводам Москва консультация».
Пальцы дрожали.
Но я нажала поиск.
И в этот момент впервые после вчерашнего сообщения мне стало чуть легче.
Потому что я ещё не знала, как буду жить дальше.
Но уже знала одно.
Больше он не будет решать за меня, что нормально.

Глава 3. Первая консультация

Слово «адвокат» казалось мне чужим.

Слишком взрослым. Слишком окончательным. Слишком не из моей жизни, где максимум серьёзных решений за последние годы сводился к тому, какую секцию выбрать Арсению и стоит ли менять шторы в гостиной.

Я сидела в маленькой кофейне через дорогу от детского сада, держала телефон обеими руками и смотрела на список сайтов.

«Семейный юрист».

«Развод с разделом имущества».

«Определение места жительства ребёнка».

«Взыскание алиментов».

Каждая строчка била по глазам.

Развод.

Ребёнок.

Имущество.

Алименты.

Ещё вчера эти слова были где-то там, у других женщин, в чужих историях, которые обсуждают шёпотом на кухнях: «Представляешь, он ей изменил», «А она ушла с ребёнком», «А суд оставил всё ему».

Я всегда слушала такие разговоры с внутренним ужасом и тайной благодарностью судьбе.

Со мной такого не случится.

Аркадий не такой.

Мы не такие.

Оказалось — такие.

Даже хуже. Потому что в чужих историях хотя бы можно было закрыть вкладку, уйти из разговора, переключиться на что-то другое. А моя история сидела у меня под кожей и дышала вместе со мной.

Я открыла первый сайт.

Фотография женщины лет сорока пяти: строгий костюм, спокойный взгляд, короткая фраза под именем — «Семейные споры. Защита интересов матери и ребёнка».

Я перечитала эту строку раз пять.

Защита.

Интересов.

Матери.

И ребёнка.

Я нажала на кнопку «позвонить», но палец завис над экраном.

А вдруг это ошибка?

А вдруг я сейчас всё испорчу?

А вдруг Аркадий вечером объяснит, что у него был план, что Мария его обманула, что ребёнок не его, что он хотел всё закончить, просто не успел?

Я почти рассмеялась от собственной жалости.

Даже сейчас я пыталась придумать ему оправдание.

Не он — себе.

Потому что если у Аркадия нет оправдания, значит, я все эти годы жила рядом с человеком, который мог спокойно смотреть мне в глаза и лгать.

Телефон завибрировал в ладони.

Я вздрогнула так, что чуть не выронила его.

Аркадий.

Звонок.

Я смотрела на его имя, пока экран дрожал от вызова. Раньше я брала сразу. Даже если была в ванной. Даже если укладывала Арсения. Даже если стояла на кассе в магазине. У Аркадия всегда было что-то важное. Его звонки нельзя было пропускать.

Теперь я дала телефону звонить.

Один гудок.

Второй.

Третий.

На четвёртом он сбросился.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«Почему не отвечаешь?»

Я положила телефон на стол экраном вниз.

Сердце колотилось так, будто я совершила преступление.

Не ответила мужу.

Всего лишь не ответила.

А ощущение было такое, словно я перешагнула через невидимую черту.

Я снова взяла телефон и нажала «позвонить» на сайте адвоката.

— Юридическая консультация, добрый день, — ответил женский голос.

Я открыла рот.

И не смогла произнести ни слова.

— Алло? Вас не слышно.

— Здравствуйте, — выдавила я. — Я... мне нужна консультация по разводу.

Слово прозвучало.

Настоящее.

Уже не в поисковой строке.

Уже не в голове.

Вслух.

— Конечно, — спокойно сказала женщина. — У вас есть дети?

Я зажмурилась.

— Да. Сын. Четыре года.

— Имущество в браке приобретали?

— Я... не знаю.

На том конце возникла короткая пауза.

— Что значит — не знаете?

Я посмотрела в окно. Мимо прошла женщина с коляской. У неё была красная шапка и уставшее лицо. Обычный день. Обычная жизнь. Люди куда-то шли, покупали кофе, говорили по телефону, смеялись.

А я не знала, есть ли у меня что-то в браке.

— Квартира оформлена на мужа, — сказала я. — Машина тоже. Бизнес его. Карты... в основном его. Я не работаю.

— Сколько лет вы в браке?

— Шесть.

— Брачный договор подписывали?

Я замерла.

Брачный договор.

Перед свадьбой Аркадий принёс папку. Сказал, что это формальность, что у него бизнес, партнёры, обязательства, и он не может рисковать. Я тогда даже не читала толком. Мне было

стыдно показывать, что я не понимаю половину слов. Аркадий улыбался, держал меня за руку и говорил: «Это просто бумага. К нам с тобой она не имеет отношения».

Я подписала.

Конечно, подписала.

Потому что была влюблена.

Потому что доверяла.

Потому что боялась показаться меркантильной провинциалкой, которая охотится за московской квартирой.

— Да, — тихо сказала я. — Подписывали.

— Он у вас есть?

— Наверное, дома.

— Вам нужно найти копию. И ничего не подписывать без юриста. Вообще ничего. Ни соглашений, ни расписок, ни заявлений, ни документов по ребёнку. Понимаете?

Я сглотнула.

— Да.

— Муж знает, что вы хотите разводиться?

Я посмотрела на телефон Аркадия, который снова загорелся сообщением.

«Алина, не заставляй меня нервничать».

— Думаю, догадывается.

— Есть угроза, что он будет давить на вас через ребёнка?

Я молчала слишком долго.

Женщина на том конце стала говорить мягче:

— Я понимаю. Тогда первое: не вывозите ребёнка резко без подготовки, если нет прямой опасности. Второе: соберите документы — свои, ребёнка, свидетельство о браке, свидетельство о рождении, копии документов на имущество, если найдёте. Третье: фиксируйте переписку. Все угрозы, давление, признания. Четвёртое: откройте отдельный счёт, к которому муж не имеет доступа.

Я слушала и чувствовала, как в голове постепенно появляется не истерика, а план.

Маленький.

Слабый.

Но план.

— И ещё, — сказала юрист. — Не предупреждайте его о своих действиях заранее. Мужчины с ресурсами часто начинают действовать быстрее, чем женщины успевают испугаться.

Мужчины с ресурсами.

Как точно.

У Аркадия были деньги, связи, юристы, репутация.

У меня — сын, страх и телефон в руке.

— Вы можете приехать сегодня? — спросила женщина.

Я посмотрела на часы.

До обеда оставалось чуть больше двух часов. Потом нужно было забрать Сенью.

— Да, — сказала я.

И сама удивилась своему ответу.

— Тогда я запишу вас на двенадцать. Меня зовут Елена Викторовна.

Я повторила адрес, сбросила звонок и долго сидела неподвижно.

В груди всё ещё болело, но боль стала другой. Вчера она была липкой, парализующей, как чёрная вода. Сегодня в ней появился острый край.

Я не знала, смогу ли уйти.

Но я уже начала готовиться.

А это было больше, чем вчера.

Домой я возвращалась с ощущением, что за мной следят.

Наверное, глупость. Наверное, просто нервы. Но каждый мужчина в тёмном пальто казался знакомым Аркадия, каждая машина у подъезда — его машиной, каждый звонок телефона — предупреждением.

Квартира встретила меня тишиной.

Большой, дорогой, вылизанной тишиной.

Я сняла обувь и впервые внимательно посмотрела на прихожую. Мраморная плитка, зеркало во всю стену, шкафы без ручек, дизайнерская скамья, которую выбирал декоратор. Я когда-то боялась лишний раз поставить сюда пакет из супермаркета, чтобы не нарушить «воздух пространства», как говорила дизайнер.

Теперь мне захотелось рассмеяться.

Я жила в квартире, где всё было красивее меня.

Прошла в спальню.

Шкаф Аркадия был закрыт. Мой — приоткрыт. Аккуратно развешанные платья, костюмы, блузки. Вещи, которые покупались не потому, что я их хотела, а потому что «тебе надо соответствовать».

Соответствовать кому?

Жене Аркадия Левицкого.

Не Алине.

Я начала искать документы.

Сначала осторожно. Потом быстрее. Я открывала ящики, папки, коробки. Нашла свидетельство о браке. Свидетельство о рождении Арсения. Свои старые документы. Паспорт. Медицинские бумаги. Несколько договоров, в которых понимала только собственную фамилию и подписи.

Брачный договор лежал в сейфе.

Конечно.

Сейф был встроен в шкаф Аркадия.

Я знала код?

Когда-то знала.

Дата рождения Арсения.

Я набрала цифры.

Ошибка.

Попробовала дату свадьбы.

Ошибка.

Пальцы похолодели.

Дата рождения Аркадия.

Сейф щёлкнул.

Я застыла.

Даже тут — он.

Не сын. Не мы. Он сам.

Внутри лежали папки, часы, флешки, конверты с наличными. Я не стала трогать деньги. Почему-то это казалось опасным. Зато быстро просмотрела папки и нашла тонкий синий скоросшиватель.

«Брачный договор».

Моё сердце ударило в рёбра.

Я достала его, открыла первую страницу, увидела свою подпись и вдруг почувствовала такую злость, что глаза защипало.

Вот она.

Бумага, которую я когда-то подписала, улыбаясь.

Бумага, которая, возможно, оставляла меня ни с чем.

Я сфотографировала каждую страницу. Руки дрожали, снимки получались кривыми, приходилось переделывать. Потом отправила копии себе на новую почту, которую создала прямо там же, сидя на краю кровати.

Затем сфотографировала свидетельства, документы из папок, договоры на квартиру, насколько смогла понять, какие именно важные. Всё, что попадалось под руку.

Телефон снова завибрировал.

Аркадий.

На этот раз я сбросила.

Почти сразу пришло сообщение:

«Ты дома?»

Я посмотрела на экран.

Потом на раскрытый сейф.

И впервые за утро испугалась по-настоящему.

Как он узнал?

Может, просто догадался. Может, камера у подъезда. Может, охрана сказала. Может, он всегда знал обо мне больше, чем я думала.

Я быстро положила папки обратно, закрыла сейф, проверила шкаф. Сердце билось так громко, что, казалось, его слышно в подъезде.

Ответила не сразу.

«Да. Заберу Сеню после обеда».

Три точки появились почти мгновенно.

«Никуда не уезжай. Я приеду раньше».

Вот и всё.

Не просьба.

Приказ.

Я посмотрела на время.

До консультации оставалось сорок минут.

Если он приедет раньше, я не успею.

Если я останусь, он снова начнёт говорить. Давить. Объяснять, что я не справлюсь. Что юристы ничего не дадут. Что всё оформлено на него. Что Арсений должен жить в стабильности. Что я сама виновата, если разрушу семью.

Я уже слышала эти слова, хотя он ещё не произнёс их.

И вдруг поняла: боюсь я не потому, что он может накричать.

Я боюсь, что он снова сумеет убедить меня не выбирать себя.

Я взяла сумку.

Положила туда документы, которые имела право взять: паспорт, свидетельство о рождении Арсения, свидетельство о браке. Остальное осталось в телефоне фотографиями.

На пороге остановилась.

Квартира была тихой и дорогой. Моей и не моей одновременно.

На стене в гостиной висела наша семейная фотография. Аркадий обнимал меня за плечи, Арсений смеялся у него на руках, я смотрела в камеру счастливыми глазами.

Такой женщины больше не было.

Я выключила свет и вышла.

В лифте телефон снова завибрировал.

«Алина, я сказал — дождись меня».

Я посмотрела на это сообщение.

Пальцы уже не дрожали так сильно.

Я набрала ответ:

«А я сказала — вечером поговорим».

И нажала отправить.

Двери лифта открылись.

На улице было холодно, шумно, мокро после ночного дождя. Москва бежала куда-то, не замечая, что одна женщина только что впервые послушалась мужа.

Я поймала такси у подъезда, села на заднее сиденье и назвала адрес Елены Викторовны.

Водитель включил радио. Кто-то говорил о пробках, курсе валют и погоде на выходные.

А я смотрела на город за окном и думала, что свобода, наверное, не приходит красиво.

Не как в кино.

Не под музыку.

Иногда она начинается с дрожащих рук, папки в сумке и одного короткого сообщения:

«А я сказала».

Когда такси остановилось у старого бизнес-центра, телефон снова зазвонил.

Аркадий.

Я посмотрела на экран.

И не ответила.

Вместо этого вышла из машины, подняла воротник пальто и вошла в здание.

На третьем этаже, за дверью с табличкой «Елена Соколова. Адвокат», меня ждала женщина, которая, возможно, скажет мне, что шансов мало.

Что брачный договор крепкий.

Что Аркадий будет давить.

Что всё будет долго, грязно и больно.

Но я всё равно открыла дверь.

Потому что хуже, чем вернуться назад и сделать вид, что ничего не случилось, уже не было ничего.

— Алина? — спросила женщина за столом.

Я кивнула.

— Проходите. Рассказывайте с самого начала.

Я села напротив неё, положила сумку на колени и впервые за сутки произнесла всю правду вслух:

— Мой муж изменяет мне. Его любовница беременна. А вчера он дал понять, что если я не буду «разумной», у меня могут быть проблемы с сыном.

Елена Викторовна не ахнула.

Не пожалела меня красивыми словами.

Не сказала: «бедная девочка».

Она просто взяла ручку и открыла блокнот.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда начнём с главного. Вы готовы бороться?

Я хотела сказать «не знаю».

Хотела сказать «мне страшно».

Хотела сказать «я вообще не понимаю, как оказалась здесь».

Но вместо этого вспомнила Арсения, его тёплые руки, его башню из кубиков, его вопрос: «Мам, ты грустная?»

И ответила:

— Да.

Елена Викторовна подняла глаза.

— Тогда слушайте внимательно. С этого момента вы больше не жена, которая просит объяснений. Вы мать, которая защищает себя и ребёнка.

Я выдохнула.

И почему-то именно после этих слов впервые за день смогла расправить плечи.

Глава 4. Разговор по правилам

Елена Викторовна говорила спокойно.

Так спокойно, что от этого становилось страшнее.

Наверное, я ждала сочувствия. Мягких слов. Чашки чая. Фразы: «Не переживайте, всё будет хорошо». Мне хотелось, чтобы кто-то взрослый, уверенный, знающий жизнь, посмотрел на меня и сказал: да, вас предали, но сейчас мы всё исправим.

Но адвокат не стала меня утешать.

Она раскладывала мою жизнь по пунктам.

— Брачный договор надо смотреть полностью, — сказала она, листая фотографии на моём телефоне. — Пока вижу, что он составлен жёстко. Очень жёстко. Но это не значит, что вы совсем беззащитны.

Я сидела напротив неё, сжав пальцы на ремешке сумки.

— То есть я могу остаться ни с чем?

Елена Викторовна подняла на меня глаза.

— Если будете действовать эмоционально — да. Если грамотно — нет.

Слова ударили неприятно, но отрезвляюще.

Грамотно.

Не плакать. Не бросаться. Не хлопать дверью. Не собирать вещи в одну ночь, путая детские носки с собственными документами. Не писать Марии, не звонить Аркадию, не требовать признаний.

Думать.

Это оказалось самым трудным.

Потому что внутри меня всё ещё жила женщина, которая хотела одного: вернуться домой, схватить мужа за плечи и спросить, как он мог. Как мог целовать меня после неё. Как мог читать сыну сказки и врать. Как мог позволить другой женщине носить его ребёнка, пока я гладила его рубашки и верила, что у нас просто сложный период.

— А ребёнок? — спросила я. — Он может забрать у меня Сенью?

Елена Викторовна отложила телефон.

— Просто так — нет. Но он может создать вам очень неприятную жизнь. Давление, проверки, заявления, попытки выставить вас нестабильной, зависимой, неспособной обеспечить ребёнка. У него есть ресурсы?

Я усмехнулась без радости.

— У него есть всё.

— Тогда ваша задача — не дать ему повода.

— Какого?

— Никаких истерик в переписке. Никаких угроз. Никаких фраз вроде «ты больше не увидишь сына». Никаких резких исчезновений. Вы должны выглядеть спокойной, вменяемой матерью, которая действует в интересах ребёнка.

Я кивнула.

Спокойной.

Вменяемой.

Если бы Елена Викторовна знала, как сильно мне сейчас хочется разбить что-нибудь тяжёлое о стену.

— И ещё, — продолжила она. — Вам нужно финансово готовиться. Работа была?

Я опустила взгляд.

— До брака. Официанткой. Потом Аркадий сказал, что мне не нужно.

— Образование?

— Колледж. Бухгалтерский. Но я почти не работала по специальности.

Она что-то записала.

И мне стало стыдно.

Так глупо, унижительно стыдно, будто я пришла на экзамен взрослой жизни и не знала ни одного ответа.

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, — сказала Елена Викторовна, не поднимая головы. — Но вам не пятнадцать и не восемьдесят. Вы можете работать. Не завтра директором банка, но можете. И это важно. Суд смотрит не на то, сколько зарабатывает отец, а на условия, стабильность, участие в жизни ребёнка.

— У нас квартира его, — тихо сказала я.

— Где зарегистрирован ребёнок?

— В квартире.

— Хорошо. Пока не съезжайте без необходимости. Особенно в никуда. Ваша позиция: это дом ребёнка. Вы не обязаны выбегать из него из-за измены мужа.

Дом ребёнка.

Не его квартира.

Не моя клетка.

Дом ребёнка.

Я повторила эти слова про себя и почувствовала, как внутри что-то становится твёрже.

— А если он приведёт её? — спросила я.

Елена Викторовна посмотрела на меня внимательно.

— Любовницу?

Я кивнула.

— Тогда фиксируйте. Но не устраивайте сцен. Понимаю, звучит ужасно. Но каждый ваш срыв может быть использован против вас.

Я сжала губы.

— То есть мне надо терпеть?

— Нет. Вам надо выигрывать.

Эта фраза повисла между нами.

Не терпеть.

Выигрывать.

Я не знала, умею ли.

Но ради Арсения должна была научиться.

К концу консультации у меня был список. Найти оригиналы документов. Сделать копии. Не подписывать ничего. Открыть отдельный счёт. Восстановить доступ к старым документам об образовании. Проверить, есть ли у меня личная почта, о которой не знает Аркадий. Сохранять переписку. Записывать угрозы, если они будут. Не сообщать о каждом шаге.

— И главное, — сказала Елена Викторовна, провожая меня до двери. — Он будет пытаться вернуть разговор в привычную схему.

— Какую?

— Где он взрослый, а вы испуганная девочка. Не входите в эту роль.

Я хотела ответить уверенно.

Но только кивнула.

Потому что эта роль была не просто привычной.

Она была моей кожей.

На улице моросил мелкий дождь. Я стояла под козырьком старого бизнес-центра, прижимая сумку к боку, и смотрела на мокрый асфальт.

Телефон молчал.

Это было хуже, чем если бы Аркадий звонил без остановки.

Я знала его. Он не исчезал просто так. Если молчит — думает. А если думает, значит, готовит ход.

В садик я пришла раньше обычного.

Арсений выбежал ко мне с рисунком в руках.

— Мам! Я нарисовал дракона!

На листе был зелёный зверь с огромными крыльями и кривыми зубами. Рядом стояли три человечка: большой, маленький и ещё один, с длинными волосами.

— Это мы? — спросила я, стараясь улыбаться.

— Да. А дракон нас охраняет.

Я присела перед ним и поправила шарф.

— Хороший дракон.

— Он никого плохого не пустит.

В горле встал ком.

— Тогда берём его домой.

Арсений бережно прижал рисунок к груди.

— Папе покажем?

Я замерла всего на секунду.

— Покажем.

Потому что папа всё ещё был его папой.

Как бы больно мне ни было.

И это была самая жестокая часть измены: она ломала меня, но я не имела права ломать в сыне любовь к отцу.

Когда мы вошли в квартиру, Аркадий уже был дома.

Я поняла это по его ботинкам в прихожей. И по тишине.

Не обычной, домашней.

Ждущей.

— Папа! — Арсений бросился в гостиную. — Я дракона нарисовал!

Я медленно сняла пальто.

Аркадий сидел в кресле у окна. Без пиджака, с расстёгнутым воротом рубашки. На столике перед ним стояла чашка кофе, к которой он, кажется, даже не притронулся.

Он улыбнулся сыну.

— Показывай.

Арсений забрался к нему на колени и начал объяснять, где у дракона огонь, где хвост, а где «секретное оружие». Аркадий слушал внимательно, задавал вопросы, даже смеялся.

Я стояла в дверях и смотрела.

Часть меня хотела поверить: вот он, настоящий. Отец. Мужчина, который любит нашего сына. Может быть, всё ещё можно как-то...

Нет.

Я оборвала мысль сама.

Любовь к ребёнку не отменяет предательство жены.

И хорошее отцовство не даёт права ломать мать этого ребёнка.

— Сеня, — сказала я, — иди переодейся, пожалуйста. Потом будем обедать.

— А папа с нами?

Я посмотрела на Аркадия.

— Папа сам решит.

Аркадий слегка прищурился.

— Конечно, с вами.

Арсений радостно убежал в свою комнату.

Как только дверь детской закрылась, улыбка исчезла с лица Аркадия.

— Где ты была?

Вот так.

Без вступления.

Я поставила сумку на тумбу.

— По делам.

— По каким?

— Личным.

Он медленно поднялся.

— Алина, не играй со мной.

Раньше от такого тона у меня сжимался живот. Сейчас тоже сжался. Но я вспомнила Елену Викторовну.

Не входите в роль.

— Я не играю, — сказала я. — Я отвечаю ровно так, как считаю нужным.

Аркадий смотрел на меня несколько секунд.

Будто пытался понять, кто стоит перед ним.

— Ты была у юриста?

Я молчала.

Он усмехнулся.

— Значит, была.

— Раз ты сам задал вопрос и сам на него ответил, я могу не участвовать?

Его лицо потемнело.

— Осторожнее.

— Ты уже говорил.

— Видимо, плохо слышала.

Я сделала вдох.

Спокойная.

Вменяемая.

Мать, которая защищает себя и ребёнка.

— Аркадий, если ты хочешь поговорить, мы поговорим. Но без угроз.

— Угроз? — он сделал шаг ко мне. — Я пытаюсь удержать нашу семью от твоей глупости.

— Наша семья закончилась, когда у тебя появилась беременная любовница.

Он резко оглянулся на коридор.

— Тише.

— Я говорю тихо.

— Ты вообще понимаешь, что делаешь?

— Начинаю понимать.

Его взгляд скользнул к моей сумке.

— Что ты взяла?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Значит, он знал. Или догадывался. Или проверил сейф.

Я почувствовала, как ладони вспотели.

— Свои документы и документы ребёнка.

— Зачем?

— Потому что это мои документы и документы ребёнка.

— Они должны храниться дома.

— Они и хранятся дома. Просто теперь я знаю, где они.

Аркадий подошёл ближе.

Я заставила себя не отступить.

— Кто тебя накрутил? — спросил он тихо. — Юрист? Подружки? Мать? Ты правда думаешь, что кто-то из них понимает нашу жизнь?

— Нашу жизнь? — переспросила я. — Или твою?

— Алина.

Он произнёс моё имя мягче.

И вот это было опаснее злости.

Аркадий умел менять интонацию так, что я начинала сомневаться в себе. Ещё секунду назад он давил, а теперь смотрел почти устало, почти виновато.

— Я не хотел, чтобы всё вышло так, — сказал он.

Я молчала.

— Мария — это ошибка.

Имя ударило, хотя я уже знала.

Мария.

Вслух оно стало реальнее.

— Одиннадцать недель ошибки, — сказала я.

Он поморщился.

— Не надо этой дешёвой иронии.

— А какой надо? Дорогой? Под стать твоим подаркам?

Аркадий устало опустил на край дивана.

— Я запутался.

Я посмотрела на него.

Запутался.

Взрослый мужчина, который строил бизнес, договаривался с чиновниками, покупал недвижимость, подписывал контракты на миллионы, вдруг запутался между женой и любовницей.

Как удобно.

— Ты собирался сказать мне? — спросила я.

Он потёр переносицу.

— Да.

— Когда?

Молчание.

— После родов?

— Алина...

— Или когда Мария перестала бы ждать?

Он поднял голову.

— Она не имеет к тебе отношения.

И вот тут я не выдержала.

Не закричала. Нет.

Но голос стал ледяным.

— Женщина, которая беременна от моего мужа, имеет ко мне прямое отношение.

Аркадий встал.

— Это мой вопрос.

— Нет. Это теперь и мой вопрос. Потому что ты принёс его в мой дом.

— В мой дом, — резко сказал он.

Тишина стала острой.

Он сам понял, что сказал, но было поздно.

Я медленно кивнула.

— Спасибо.

— За что?

— За честность.
— Не передёргивай.
— Я и не передёргиваю. Ты прав. Квартира твоя. Деньги твои. Машина твоя. Бизнес твой. Даже решения, как я теперь вижу, тоже всегда были твои.
— Я дал тебе всё.
Фраза вылетела у него с раздражением.
И добила окончательно.
Не измена.
Не Мария.
Не ребёнок.
Вот это: «я дал тебе всё».
Будто я была не женой.
А проектом.
Покупкой.
Благотворительностью, которую можно предъявить в счёт покорности.
Я почувствовала, как внутри что-то окончательно закрывается.
— Да, — сказала я тихо. — Ты многое мне дал. И, кажется, всё это время считал, что вместе с этим купил право решать, сколько боли я должна терпеть.
Аркадий шагнул ко мне, но я подняла руку.
— Нет. Теперь слушай ты.
Он замер.
Не потому что подчинился.
От неожиданности.
— Я не буду выяснять отношения при ребёнке. Я не буду устраивать сцены. Я не буду звонить Марии, угрожать тебе или таскать Сеню между взрослыми конфликтами. Но я больше не буду делать вид, что ничего не произошло.
— И что ты предлагаешь?
— Пока — отдельные комнаты. Ты не приходишь ко мне ночью, не трогаешь меня, не требуешь «жить как раньше». Все разговоры о ребёнке — спокойно. Все разговоры о разводе — после консультации с юристами.
Он усмехнулся.
— Ты уже решила?
Я посмотрела ему в глаза.
— Ты решил раньше меня.
В коридоре послышались шаги Арсения.
Мы оба замолчали.
Сын появился в дверях в домашней футболке с динозавром и с рисунком в руках.
— А почему вы такие серьёзные?
Я первая улыбнулась.
Не для Аркадия.
Для него.
— Обсуждаем взрослые скучные дела.
Арсений недоверчиво посмотрел на отца.
— Пап, ты маму не ругай.
Аркадий застыл.
А я почувствовала, как сердце болезненно сжалось.
— Я не ругаю, — сказал он после паузы.
— Она грустная, — серьёзно сообщил Арсений. — Её надо обнять.
На секунду мир стал невыносимым.

Аркадий посмотрел на меня.

И я поняла, что он сейчас может использовать даже это. Подойти. Обнять при сыне. Сделать вид, что мы семья. Заставить меня либо принять, либо выглядеть плохой.

Но он не успел.

Я сама присела перед Арсением и раскрыла руки.

— Иди ко мне, мой защитник.

Сын бросился в объятия. Я прижала его крепко-крепко, закрыла глаза и вдохнула его тёплый детский запах.

— Всё хорошо? — прошептал он мне на ухо.

Я погладила его по спине.

— Мы справимся.

— С драконом?

Я открыла глаза и посмотрела на Аркадия поверх головы сына.

— С любимым драконом.

Аркадий ничего не сказал.

Но впервые за всё время я увидела в его взгляде не раздражение и не уверенность.

А тревогу.

Он понял.

Я ещё боялась. Ещё зависела от него. Ещё не знала, где буду жить и на что кормить сына, если всё рухнет окончательно.

Но прежней Алины перед ним больше не было.

А вечером, когда Арсений уснул, я закрылась в гостевой комнате и достала телефон.

От Елены Викторовны пришло сообщение:

«Я изучила договор. Условия тяжёлые, но есть за что зацепиться. Завтра обсудим. Главное — ничего не подписывайте».

Я перечитала его дважды.

Потом сохранила переписку.

И только после этого заметила ещё одно сообщение.

С неизвестного номера.

«Ты думаешь, если побежишь к юристам, он выберет тебя? Не унижайся, Алина. Он всё равно будет со мной».

Я долго смотрела на экран.

Мария.

Значит, Аркадий уже рассказал ей.

Или она знала раньше.

Я почувствовала, как по спине прошёл холод.

Потом сделала скриншот.

Отправила Елене Викторовне.

И впервые за эти сутки не заплакала.

Потому что теперь я понимала правила.

Они хотели, чтобы я сорвалась.

А я собиралась выжить.

Глава 5. Та, которая устала ждать

Я не сразу ответила на сообщение Марии.

Сначала просто сидела на краю кровати в гостевой комнате и смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться.

«Ты думаешь, если побежишь к юристам, он выберет тебя? Не унижайся, Алина. Он всё равно будет со мной».

Странно, но большее всего было не «он будет со мной».

А то, что она назвала меня по имени.

Не «его жена».

Не «она».

Алина.

Значит, она знала обо мне всё это время. Знала, как меня зовут. Возможно, видела мои фотографии на его столе или в телефоне. Знала, что у нас есть сын. Знала, что я существую не где-то в тумане, не как формальность, не как «мы давно не живём вместе», а прямо здесь — в квартире, куда Аркадий возвращался после неё.

И всё равно устала ждать.

Я сделала скриншот ещё раз, будто первый мог исчезнуть. Потом переслала Елене Викторовне. Потом сохранила номер под именем «Мария».

Пальцы сами хотели набрать ответ.

«Как ты смеешь?»

«Ты разрушила мою семью».

«Он тебе врёт так же, как врал мне».

«Ты беременна от женатого мужчины. Гордиться нечем».

Я написала первую фразу. Стерла.

Написала вторую. Стерла тоже.

Вспомнила голос Елены Викторовны: никаких истерик, никаких угроз, никаких слов, которые потом можно повернуть против вас.

Я положила телефон рядом и закрыла глаза.

В соседней комнате Аркадий разговаривал с кем-то по телефону. Его голос был глухим, сдержанным. Отдельные слова доносились сквозь стену, но смысла разобрать я не могла.

Наверное, говорил с ней.

С женщиной, которая устала ждать.

С женщиной, которая носила под сердцем его ребёнка.

Я прижала ладонь к груди, туда, где боль стала уже почти физической. Когда я была беременна Арсением, Аркадий носил меня на руках. В прямом смысле. Покупал ягоды среди ночи, спорил с врачами, гладил мой живот и шептал сыну что-то смешное, пока я смеялась сквозь сон.

Тогда мне казалось, что это любовь.

Теперь я впервые подумала: а может, он просто любит начало? Тот момент, когда женщина смотрит на него снизу вверх, нуждается в нём, благодарит, верит каждому слову.

Я когда-то тоже была новой.

Спасённой.

Особенной.

А потом стала женой.

Бытовой.

Удобной.

Понятной.

Я резко открыла глаза.

Нет.

Я не пойду туда.

Не буду искать в себе причину его измены. Не буду сравнивать своё тело с её телом, свой возраст с её возрастом, свою усталость с её блеском. Не буду спрашивать, где я недодала, недолюбила, недомолчала.

Он изменил не потому, что я стала хуже.

Он изменил потому, что захотел.

И позволил себе.

В дверь тихо постучали.

Я не ответила.

— Алина, — голос Аркадия был ровным. — Открой.

Я молчала.

— Нам надо договорить.

Я усмехнулась.

Договорить.

Словно мы обсуждали ремонт.

— Я устала.

— Это не может ждать.

И вот эта фраза почти рассмешила меня.

Мария устала ждать.

Аркадий не может ждать.

А я, значит, должна была всю жизнь спокойно ждать, пока они решат, что делать с моей семьёй.

Я поднялась и открыла дверь.

Аркадий стоял в коридоре. Без привычной уверенности в позе, но с тем выражением лица, которое я уже начинала ненавидеть: будто он собирается объяснить мне очевидные вещи, а я обязана понять.

— Что? — спросила я.

Его взгляд скользнул за мою спину, в комнату.

— Ты правда собираешься здесь спать?

— Да.

— Это смешно.

— Не смей говорить мне, что смешно.

Он задержал взгляд на моём лице.

— Мария написала тебе?

Я молчала.

— Значит, написала, — Аркадий выдохнул и потёр переносицу. — Чёрт.

Не «прости».

Не «она не имела права».

Не «я разберусь».

Просто: чёрт.

Словно неудобство.

Словно лишняя проблема в расписании.

— Ты ей рассказал, что я была у юриста? — спросила я.

— Нет.

— Тогда откуда она знает?

Аркадий отвёл глаза.

Вот так просто.

И мне стало ясно: Мария знала не потому, что он рассказал. Она знала потому, что была рядом. В его делах. В его телефоне. В его жизни настолько глубоко, что, возможно, знала больше меня.

— Она видела сообщения? — спросила я.

— Алина...

— Она читает твой телефон?

— Не начинай.

— Хорошо. Тогда начну другое. Сколько людей знают, что мой муж завёл беременную любовницу?

Его лицо стало жёстче.

— Следи за словами.

— Почему? Правда звучит некрасиво?

— Потому что это сложнее, чем ты пытаешься представить.

Я смотрела на него и вдруг поняла: он действительно верит, что его ситуация сложная. Не грязная. Не подлая. Не унижительная для меня. А сложная.

Бедный Аркадий.

Зажат между женой, любовницей и двумя детьми.

Почти трагический герой.

— Объясни, — сказала я. — Сделай мне одолжение. Объясни, что здесь сложного.

Он прошёл в комнату без приглашения. Я хотела остановить его, но потом решила не тратить силы. Встала у двери, не закрывая её. Между нами оставался коридор, свет из гостиной и всё, что уже нельзя было вернуть.

— Мария забеременела не специально, — сказал он.

Я медленно моргнула.

— Какая неожиданная трагедия для двух взрослых людей.

Аркадий бросил на меня раздражённый взгляд.

— Ты хочешь слушать или язвить?

— Я хочу правду. Но пока слышу только попытку смягчить её для себя.

Он сжал губы.

— Я не планировал ребёнка.

— А меня ты планировал поставить перед фактом?

— Я хотел разобраться.

— Ты уже говорил.

— Потому что это правда! — впервые он повысил голос, но сразу оглянулся на коридор.

— Я не хотел рушить семью.

— Ты хотел сохранить семью и ребёнка на стороне?

— Я хотел найти решение.

Я тихо рассмеялась.

— Решение для кого, Аркадий? Для меня? Для Сени? Или для тебя, чтобы все молчали и никто не испортил тебе репутацию?

Он подошёл ближе.

— Ты сейчас очень несправедлива.

Вот тут я наконец почувствовала злость.

Настоящую.

Чистую.

Без слёз.

— Несправедлива?

— Да.

— Я?

— Да, ты. Я не отказываюсь от ответственности. Я не бросаю тебя без денег. Не выгоняю из квартиры. Не забираю сына. Я пытаюсь говорить спокойно, а ты уже бегаешь по адвокатам и собираешь документы, будто я твой враг.

Я посмотрела на него долго-долго.

И вдруг всё стало просто.

— А ты кто?

Он замолчал.

— Муж, который врёт? Отец, который угрожает ребёнком? Мужчина, чья любовница пишет мне ночью? Кто ты сейчас, Аркадий?

Его лицо побледнело от сдерживаемой ярости.

— Я не угрожал тебе ребёнком.

— Ты сказал, что у решений бывают последствия.

— Потому что так и есть.

— Вот именно.

Мы стояли друг напротив друга и оба понимали: назад уже не получится.

Он мог ещё сколько угодно говорить о семье, ответственности, сложности. Но между нами уже лежало слишком много правды.

Вдруг телефон в моей руке снова завибрировал.

Сообщение.

От Марии.

Аркадий тоже услышал звук. Его взгляд мгновенно упал на экран.

Я открыла сообщение при нём.

«Поговорим как женщины. Без юристов и спектаклей. Ты ведь всё равно должна понять, что он давно не твой».

Я подняла глаза на мужа.

Он побледнел сильнее.

— Она больна? — спросила я тихо.

— Дай телефон.

— Нет.

— Алина, дай телефон.

— Нет, — повторила я и сделала шаг назад. — Это теперь доказательство.

— Доказательство чего? Что беременная женщина на эмоциях написала глупость?

— Что твоя любовница давит на твою жену.

Он протянул руку.

Я отступила ещё на шаг.

И впервые увидела, как в нём просыпается не просто раздражение.

Паника.

— Не отправляй это юристу, — сказал он.

— Поздно.

— Алина!

— Что?

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Понимаю. Сохраняю всё, что может защитить меня и сына.

— От кого?

— От тебя.

Слова прозвучали тихо.

Но ударили громко.

Аркадий смотрел на меня так, будто я ударила его по лицу.

Может, в каком-то смысле так и было.

— Ты правда считаешь меня чудовищем? — спросил он.

И вот это было самым страшным.

Потому что часть меня всё ещё хотела ответить: нет.

Нет, ты не чудовище.

Ты мой муж.

Ты отец моего ребёнка.

Ты когда-то целовал мои руки в роддоме и плакал, когда впервые взял Сеню на руки.

Ты не можешь быть чудовищем.

Но взрослая часть меня, новая и ещё слабая, уже понимала: человек не обязан быть чудовищем полностью, чтобы причинить тебе чудовищную боль.

— Я считаю, что больше не могу тебе доверять, — сказала я.

Он отвернулся.

В коридоре щёлкнула дверь детской.

Мы оба замолчали.

Арсений вышел сонный, в пижаме, прижимая к себе медведя.

— Мам? — пробормотал он. — Я пить хочу.

Вся злость мгновенно отступила куда-то в сторону.

— Сейчас, малыш.

Я прошла мимо Аркадия на кухню. Он остался стоять в гостевой, как чужой человек в чужой комнате.

Арсений сел за стол, болтая ногами, пока я наливала воду. Он пил медленно, двумя руками держа стакан. На щеке отпечаталась складка от подушки.

— Вы опять взрослые дела обсуждали? — спросил он.

Я погладила его по волосам.

— Да.

— Они грустные?

Я присела рядом.

— Иногда взрослые дела бывают грустными.

— А потом проходят?

Господи.

Как ответить ребёнку, если сама не знаешь?

— Потом становится легче, — сказала я. — Не сразу. Но становится.

Арсений кивнул так серьёзно, будто запомнил важное правило.

— Тогда я завтра нарисую ещё одного дракона. Чтобы быстрее стало легче.

Я обняла его.

— Договорились.

Когда я уложила сына обратно, Аркадия в гостевой уже не было. Он стоял в гостиной у окна и смотрел вниз, на мокрый двор.

— Я поговорю с Марией, — сказал он, не оборачиваясь.

— Это уже не моя проблема.

Он резко повернулся.

— Ошибаешься. Пока ты моя жена, всё, что происходит вокруг этой ситуации, касается тебя.

— Какая удобная формулировка. Когда изменял — не касалось. Когда последствия — касается.

Он устало закрыл глаза.

— Что ты хочешь?

Вопрос был простой.

И страшный.

Потому что ещё вчера я хотела невозможного: чтобы этого не было. Чтобы сообщение исчезло. Чтобы Мария оказалась ошибкой. Чтобы мой муж снова стал тем, в кого я верила.

А теперь?

Я посмотрела на семейную фотографию на стене.

На нас троих.

На женщину, которая улыбалась в камеру, не зная, что однажды будет стоять здесь и выбирать не между мужем и любовницей, а между собой и привычкой терпеть.

— Я хочу, чтобы ты ушёл из спальни, — сказала я. — Сегодня. И пока мы не решим, что дальше, ты спишь в кабинете.

Аркадий усмехнулся.

— В моей квартире?

Я кивнула.

— В доме своего сына.

Он хотел ответить. Я видела, как уже готова фраза — резкая, привычная, унижительная.

Но он сдержался.

Наверное, вспомнил про юриста.

Про скриншоты.

Про то, что теперь каждое слово может стать не просто словом.

— Хорошо, — сказал он.

Слишком спокойно.

Но я уже знала: спокойствие Аркадия не значит согласие.

Это значит, что он меняет тактику.

Ночью я почти не спала.

Слушала, как в кабинете скрипнул диван. Как за стеной несколько раз загорался экран его телефона. Как где-то далеко за окном шумела Москва.

В три часа пришло ещё одно сообщение.

На этот раз не от Марии.

От неизвестного номера.

«Вы записаны на завтра в 11:00 в клинику “Медлайт”. Подтверждение приёма: Левицкая А.С.»

Я села на кровати.

Левицкая А.С.

Мои инициалы.

Но я никуда не записывалась.

Через минуту пришло второе сообщение.

«Услуга: консультация психотерапевта. Первичный приём».

Холод медленно поднялся от пальцев к горлу.

Я перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

И поняла.

Аркадий начал действовать.

Не криком.

Не угрозой.

Грамотно.

Если жена выглядит нестабильной, истеричной, нуждающейся в психотерапевте после «семейного конфликта», потом это можно использовать как угодно.

Я поднялась, вышла в коридор и остановилась у двери кабинета.

Внутри было тихо.

Очень тихо.

Я не стала стучать.
Вернулась в комнату, сделала скриншоты сообщений и отправила Елене Викторовне.
Через несколько минут она ответила, хотя была глубокая ночь:
«Не ходите. Не отменяйте звонком. Утром разберёмся. Это может быть попытка создать след. Всё фиксируйте».
Я сидела в темноте, сжимая телефон.
Теперь всё стало окончательно ясно.
Аркадий не просто не собирался отпускать меня спокойно.
Он собирался доказать, что я не справляюсь.
Что я слабая.
Что я неразумная.
Что мне нельзя доверять решения.
Может быть, даже сына.
Я посмотрела на закрытую дверь детской.
И страх, который ещё вчера делал меня беспомощной, вдруг стал другим.
Острым.
Собранным.
Я больше не имела права разваливаться.
Потому что на другой стороне этой войны был не только мой разбитый брак.
Там был мой ребёнок.
А утром, едва рассвело, я открыла ноутбук, нашла своё старое резюме и впервые за шесть лет начала его редактировать.
Фамилия: Левицкая.
Имя: Алина.
Желаемая должность: помощник бухгалтера, администратор, офис-менеджер.
Опыт работы: маленький. Почти смешной.
Но в графе «о себе» я написала не то, что писали в шаблонах.
Не «ответственная, коммуникабельная, стрессоустойчивая».
Я написала:
«Готова начинать заново».
Потом стёрла.
Потому что работодателю это было не нужно.
Но себе я уже сказала.

Глава 6. Готова начинать заново

Резюме выглядело жалко.

Я перечитала его уже в пятый раз и каждый раз находила новую причину не отправлять.

Образование — среднее специальное.

Опыт — давний, почти стёршийся. Официантка, администратор в маленьком кафе, пара месяцев помощником бухгалтера ещё до Москвы. Потом большой провал длиной в шесть лет, который в моей жизни назывался браком, материнством и «тебе незачем работать, Алина, я всё обеспечу».

В резюме это выглядело иначе.

Пустота.

Работодатель не увидит, как я ночами сидела с Арсением при температуре. Как вела дом, следила за счетами, закупками, врачами, кружками, подарками родственникам Аркадия, семейными датами, гардеробом, садиком, прививками, меню, праздниками. Как помнила, какие рубашки муж берёт в командировку и какой кофе пьёт его деловой партнёр, если приезжает к нам домой.

В резюме это не считалось работой.

Хотя иногда мне казалось, что я держала на себе целую маленькую невидимую компанию.

Я убрала строчку «готова начинать заново», написала вместо неё сухое:

«Ответственная, внимательная к деталям, быстро обучаюсь».

Посмотрела.

Захотелось удалить всё.

Телефон лежал рядом на столе экраном вверх. После ночных сообщений о записи к психотерапевту я не могла оставить его далеко. Казалось, стоит отвернуться — и появится что-то новое. Новая ловушка. Новое доказательство того, что Аркадий уже продумал следующий шаг.

В восемь утра Елена Викторовна позвонила сама.

Я вышла на кухню, пока Арсений ещё спал, и ответила шёпотом.

— Доброе утро. Вы в порядке?

Вопрос был простой, но от него почему-то защипало глаза.

В порядке.

Можно ли быть в порядке, когда твой муж завёл беременную любовницу, пытается записать тебя к психотерапевту без твоего согласия, а ты сидишь на кухне в дорогой квартире и редактируешь резюме, как школьница перед первой практикой?

— Держусь, — сказала я.

— Хорошо. По клинике: ничего не отменяйте самостоятельно. Я сейчас подготовлю запрос. Нам нужно понять, кто оформил запись, с какого номера, какие данные предоставлены. Если это делал ваш муж без вашего согласия, это нам пригодится.

Я сжала кружку обеими руками.

— Он хочет выставить меня ненормальной?

— Возможно. Или хочет напугать. Или создать видимость, что вы сами обращались за помощью из-за нестабильного состояния.

Я закрыла глаза.

Нестабильное состояние.

Наверное, любая женщина после такого была бы нестабильной. Разница только в том, что у одних есть право плакать, а у других каждый вдох может стать уликой.

— Что мне делать? — спросила я.

— Сегодня постарайтесь вести себя максимально спокойно. Не обсуждайте с ним клинику. Если заговорит сам — фиксируйте. Лучше письменно. И ещё: вы говорили, что хотите искать работу?

Я посмотрела на открытый ноутбук.

— Да. Но моё резюме выглядит... плохо.

— Оно выглядит как резюме женщины, которая шесть лет занималась ребёнком и домом. Это не преступление.

Я молчала.

— Алина, вам сейчас важно не сразу найти идеальную работу, а показать вектор. Самостоятельность. Действия. И для себя, и для суда, если до этого дойдёт. Отправляйте.

— Куда?

— Везде, где не страшно начать.

После звонка я ещё минут десять сидела неподвижно.

Потом открыла сайт вакансий.

Администратор.

Помощник бухгалтера.

Офис-менеджер.

Менеджер по работе с клиентами.

Кассир.

Оператор.

Каждая вакансия казалась дверью в жизнь, где я никто, новичок, женщина с неловкой паузой в стаже и ребёнком, которого надо забирать из садика вовремя.

Но другая дверь — назад, к Аркадию, к его деньгам, условиям и «будь разумной» — казалась уже хуже.

Я отправила первое резюме.

Потом второе.

На третьем пальцы перестали дрожать.

На пятом стало даже легче.

Не потому, что я поверила в себя окончательно. До этого было ещё далеко.

Просто каждое отправленное резюме было маленьким доказательством: я существую не только как жена Аркадия Левицкого.

Я существую.

Точка.

Арсений проснулся в половине девятого.

— Мам, а почему ты за компьютером? — спросил он сонно, появившись на кухне в пижаме с динозаврами.

— Ищу работу.

Он замер.

— Зачем?

Я закрыла ноутбук не до конца, чтобы он не увидел, как много внутри меня страха.

— Потому что взрослым иногда нужно работать.

— А папа же работает.

— И мама тоже может.

Арсений нахмурился так серьёзно, что стал похож на маленького старичка.

— А ты будешь уходить?

Вопрос попал прямо в больное место.

Я подошла к нему, присела и взяла его ладони в свои.

— Я всегда буду возвращаться к тебе.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он подумал.

— Тогда можно. Только не долго.

Я улыбнулась.

— Постараюсь.

— А деньги будут?

Я вздрогнула.

— Почему ты спрашиваешь?

Арсений пожал плечами.

— Папа вчера говорил по телефону. Сказал, что без денег люди быстро становятся умными.

Холод прошёл по спине.

Мой сын повторил фразу ровно, без понимания, просто как услышанную взрослую странность. Но я поняла.

Аркадий говорил это кому-то ночью.

Может, юристу.

Может, Марии.

Может, самому себе.

Без денег люди быстро становятся умными.

Я погладила сына по голове.

— У нас всё будет хорошо.

— Правда?

— Правда.

Я сказала это уверенно.

Почти.

Когда Арсений ушёл умыться, я открыла заметки в телефоне и записала фразу. Дата. Время. При каких обстоятельствах ребёнок повторил.

Елена Викторовна сказала фиксировать всё.

Значит, я буду фиксировать даже то, от чего хочется спрятаться под одеяло и перестать быть взрослой.

Аркадий вышел из кабинета через двадцать минут.

Выглядел он безупречно.

Свежая рубашка, влажные после душа волосы, дорогие часы на запястье. Если бы посторонний человек увидел нас втроём на кухне, он решил бы: обычная состоятельная семья, обычное утро. Муж пьёт кофе. Жена режет сыр. Сын болтает ногами на стуле и рассказывает, что драконов в садике рисовать сложно, потому что у них слишком много зубов.

Аркадий поцеловал Арсения в макушку.

— Доброе утро, командир.

— Mam ищет работу, — сразу сообщил сын.

Нож в моей руке остановился.

Аркадий медленно поднял на меня глаза.

— Правда?

В его голосе не было удивления.

Только насмешливое спокойствие.

— Правда, — сказала я.

— Интересно.

— Что именно?

Он налил кофе, словно разговор был совершенно обычным.

— Кем?

— Пока смотрю разные варианты.
— Разные — это какие? — Он сел напротив. — Министр финансов? Генеральный директор? Или сразу владелица холдинга?
Арсений засмеялся, решив, что папа шутит.
Я — нет.
— Администратор. Помощник бухгалтера. Офис-менеджер.
Аркадий сделал глоток кофе.
— Серьёзно?
— Да.
— Алина, ты шесть лет не работала.
— Я помню.
— Ты не представляешь, что такое рынок. Тебя съедят за неделю.
— Возможно.
Он поставил чашку.
— И кто будет забирать Сеню из сада? Кто будет сидеть с ним, когда он заболеет? Кто будет заниматься домом?
— Мы обсудим график.
Аркадий усмехнулся.
— Мы?
— Да. Мы. У Арсения два родителя.
Тишина.
Сын, к счастью, увлёкся бутербродом и не заметил, как изменился воздух на кухне.
— Не надо использовать ребёнка, чтобы доказать мне свою самостоятельность, — сказал Аркадий тихо.
Я посмотрела на него.
— Не надо использовать мою зависимость, чтобы доказать мне своё превосходство.
Его пальцы сжались на ручке чашки.
— Осторожнее, Алина.
— Я очень осторожна.
И это было правдой.
Раньше я бы сказала больше. Резче. С болью. С обвинением.
Теперь я выбирала слова так, как будто каждое из них могло потом лечь на стол перед судьёй.
Аркадий тоже это понял.
Он откинулся на спинку стула и вдруг улыбнулся.
— Хорошо. Хочешь играть во взрослую самостоятельность — играй.
Я промолчала.
— Только давай честно, — продолжил он. — Квартирu оплачиваю я. Сад оплачиваю я. Врачей оплачиваю я. Еду, одежду, кружки, отдых — всё я. Ты можешь отправить хоть сто резюме, но это не изменит реальности.
— Реальность уже изменилась.
— Нет. Просто ты обиделась.
Он сказал это почти ласково.
И от этого стало противнее.
Обиделась.
Не была предана.
Не узнала о беременности любовницы.
Не столкнулась с угрозами.
Просто обиделась.

Как ребёнок, у которого забрали игрушку.

— Я отвезу Сеню в сад, — сказала я.

— Сегодня отвезу я.

— Нет.

— Алина.

— Мы уже договорились вчера: утром вожу я.

— Мы ничего не договаривались.

— Тогда договариваемся сейчас.

Аркадий посмотрел на сына.

— Сеня, ты хочешь с папой поехать?

Арсений оживился.

— На большой машине?

— Конечно.

Я медленно вдохнула.

Вот так.

Просто.

Не криком. Не приказом. Через ребёнка.

— Сегодня мы уже собирались идти пешком, — сказала я мягко. — Помнишь, ты хотел показать мне лужу, похожую на кита?

Арсений застыл между выбором машины и кита.

Для четырёхлетнего человека это была серьёзная дилемма.

— А папа может с нами пешком? — спросил он наконец.

Аркадий улыбнулся.

— Папе нужно на работу.

— Тогда с мамой, — решил сын. — Кит важнее.

Я не посмотрела на Аркадия.

Побоялась, что улыбнусь.

В прихожей, пока Арсений пытался сам застегнуть куртку, Аркадий подошёл ко мне вплотную.

— Ты зря превращаешь каждую мелочь в битву.

Я поправила сыну шапку.

— Это не я начала войну.

— Войну? — тихо переспросил он. — Хорошо. Запомню.

Я подняла глаза.

— Запоминай.

Мы с Арсением вышли из квартиры.

В лифте сын держал меня за руку и рассказывал, что если лужа похожа на кита, то туда нельзя наступать, потому что кит обидится. Я слушала, кивала, улыбалась.

А сама думала: Аркадий тоже запомнил.

И обязательно ответит.

Ответ пришёл быстрее, чем я думала.

Когда я вернулась из садика, у подъезда меня ждала женщина.

Высокая, тонкая, в светлом пальто, которое на мокрой московской улице выглядело неприлично чистым. Волосы идеально уложены, макияж спокойный, дорогая сумка в руке. На вид — чуть моложе меня. Или просто свежее. Из тех женщин, которые умеют выглядеть так, будто никогда не плачут в подушку и не ищут вакансии помощника бухгалтера с перерывом в стаже.

Я узнала её сразу.

Мария.

Она стояла у подъезда так, словно имела право здесь быть.

Моё тело среагировало раньше головы: пальцы похолодели, живот сжался, дыхание стало коротким. Хотелось развернуться и уйти. Или подойти и ударить. Или спросить, как она смеет.

Я не сделала ничего из этого.

Остановилась в двух шагах от неё.

— Алина, — сказала Мария.

Голос у неё был ровный.

Тот самый голос из звонков: «Аркадий Сергеевич сейчас на встрече».

Теперь я знала, на каких именно встречах он иногда был.

— Что вы здесь делаете? — спросила я.

Она слегка улыбнулась.

— Хотела поговорить.

— Я не хочу.

— Понимаю. Но нам всё равно придётся.

— Нет. Не придётся.

Я обошла её и направилась к двери подъезда.

Мария сказала мне в спину:

— Я беременна.

Я остановилась.

Не потому что это было новостью.

А потому что она произнесла это так, будто предъявила документ на право собственности.

Я медленно повернулась.

— Поздравляю.

Её улыбка дрогнула.

Видимо, она ожидала другого. Слез. Крика. Унижения. Вопросов.

Я почти услышала голос Елены Викторовны: не входите в их сценарий.

— Вы можете сколько угодно делать вид, что вам всё равно, — сказала Мария. — Но это не так.

— Конечно, не так.

Она чуть приподняла подбородок.

— Тогда давайте без спектакля. Аркадий несчастен с вами давно.

Больно.

Даже ожидаемо — больно.

Но я не показала.

— Он сам вам это сказал?

— Это видно.

— Вам — возможно.

Мария сжала губы.

— Вы держите его ребёнком.

Я посмотрела на неё.

И вдруг поняла, что передо мной не роковая разлучница. Не уверенная победительница. Не женщина, которая спокойно забрала чужого мужа.

Передо мной стояла испуганная беременная девушка, которая очень хотела верить, что её выбрали не потому, что она новая и удобная, а потому что любовь настоящая.

Когда-то я тоже так хотела верить.

Эта мысль не вызвала жалости.

Но злость стала холоднее.

— Его ребёнка зовут Арсений, — сказала я. — И он не верёвка, которой я кого-то держу.

— А мой ребёнок? — резко спросила Мария. — Он, по-вашему, кто?

— Не используйте его в разговоре со мной.

Она побледнела.

— Вы думаете, вы лучше меня?

Я устала.

Внезапно, до костей.

— Нет, Мария. Я думаю, что вы пришли к жене мужчины, от которого беременны, и пытаетесь убедить её освободить место. Это не делает вас сильной. Это делает вас очень зависимой от его обещаний.

Её глаза вспыхнули.

— Он любит меня.

Вот оно.

Главное.

Не беременность. Не будущее. Не война.

Простая, отчаянная фраза женщины, которая поставила всё на мужчину.

Я когда-то тоже произносила её про Аркадия. Не вслух, может быть. Но внутри — тысячи раз.

Он любит меня.

А значит, не обидит.

Он любит меня.

А значит, я в безопасности.

Он любит меня.

А значит, можно не читать документы перед свадьбой.

— Возможно, — сказала я тихо.

Мария будто не ожидала.

— Что?

— Возможно, он вас любит. Возможно, нет. Это между вами. Но наш развод, мой сын, мои права и моя жизнь — не между вами. И не вам решать, как мне себя вести.

Она сделала шаг ближе.

— Вы всё равно проиграете.

Я достала телефон.

Мария замерла.

— Что вы делаете?

— Фиксирую разговор.

— Вы не имеете права!

— Тогда уходите.

Её лицо стало злым.

По-настоящему.

— Вы жалкая.

Я нажала запись.

— Повторите.

Мария резко отвернулась.

— Он вас бросит.

— Это тоже можете повторить.

— Да пошли вы.

Она быстро пошла к припаркованной у дороги машине. Не своей, кажется. Такси. Дверца хлопнула слишком громко.

Я стояла у подъезда и держала телефон в руке, пока машина не уехала.

Только потом поняла, что колени дрожат.

Я вошла в подъезд, поднялась в квартиру и закрыла дверь на замок.
Сначала на один.
Потом на второй.
Потом на цепочку.
Хотя понимала, что это глупо.
Ни один замок не защищает от человека, у которого есть ключи от твоей жизни.
Я отправила запись Елене Викторовне.
Ответ пришёл почти сразу:
«Очень хорошо, что не вступили в конфликт. Сохраните оригинал. Сегодня вечером не оставайтесь с мужем без возможности записи».
Я перечитала сообщение и вдруг поняла, что больше не хочу находиться в этой квартире.
Дом ребёнка.
Да.
Но дом ребёнка не должен быть местом, где его мать всё время ждёт удара.
Я открыла список вакансий, но смотреть уже не могла.
Вместо этого зашла в банковское приложение и открыла отдельный счёт. Маленький шаг.
Почти смешной. Там не было денег, кроме тех, что я могла перевести со своей карты.
Я перевела всё, что было.
Сумма получилась унижительной.
Но теперь она была только моей.
Потом написала маме.
«Мам, ты можешь сегодня поговорить? Только без паники. Мне очень нужно».
Ответ пришёл через минуту.
«Конечно, доченька. Что случилось?»
Я смотрела на эти слова и не могла начать.
Как сказать матери, что сказка, которой она гордилась, оказалась клеткой?
Как признаться, что её дочь, которую «так удачно выдали замуж», теперь не знает, где будет жить?
Я набрала:
«У нас с Аркадием серьёзные проблемы. Возможно, будет развод».
Три точки появились сразу.
Исчезли.
Снова появились.
Потом звонок.
Я не ответила.
Не могла.
Написала:
«Я перезвоню, когда смогу говорить. Просто знай».
Мама прислала только одно:
«Я с тобой».
И я расплакалась.
Не так, как в первую ночь. Не от бессилия. А от того, что где-то за пределами этой квартиры всё ещё был человек, который не спрашивал, разумно ли я себя веду. Не требовал доказательств. Не оценивал выгоду.
Просто был со мной.
Вечером Аркадий вернулся раньше обычного.
Я услышала, как ключ поворачивается в замке, и сразу включила запись на телефоне.
Положила его экраном вниз на полку в прихожей.
Арсений сидел на ковре и собирал пазл. Я была на кухне.

— Папа! — радостно крикнул сын.

— Привет, командир.

Голос Аркадия был мягким.

Слишком.

Он разделся, прошёл в гостиную, поцеловал сына. Потом появился на кухне.

— Нам надо поговорить.

— Говори.

Он посмотрел на мой телефон на столе.

— Без записи.

— Тогда письменно.

Его лицо стало каменным.

— Мария сказала, что ты сегодня устроила ей сцену у подъезда.

Я медленно повернулась к нему.

— Правда?

— Алина.

— У меня есть запись.

Он замолчал.

Всего на секунду.

Но в этой секунде было больше правды, чем во всех его объяснениях.

— Ты записываешь людей тайком? — спросил он холодно.

— Я защищаю себя.

— От беременной женщины?

— От лжи.

Он усмехнулся.

— Ты становишься неприятной.

Раньше такая фраза ранила бы меня. Я бы начала оправдываться, доказывать, что я хорошая, мягкая, нормальная. Что это обстоятельства. Что я не такая.

Сейчас я только кивнула.

— Возможно.

Аркадий прищурился.

— Тебе кто-то помогает.

— Да.

— Юрист?

— И здравый смысл.

Он подошёл ближе, понизил голос:

— Ты думаешь, накопишь скриншотов и выиграешь? У тебя нет денег даже на нормальный процесс.

Вот она.

Фраза.

Без денег люди быстро становятся умными.

Я смотрела на него и почти физически чувствовала, как во мне умирают последние остатки надежды. Маленькие, упрямые, глупые остатки: а вдруг он всё-таки пожалеет, поймёт, остановится?

Нет.

Не остановится.

— Тогда тебе нечего бояться, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Я не боюсь.

— Я вижу.

Аркадий резко наклонился ко мне:
— Не провоцируй.
В гостиной упала деталь пазла.
— Мам? — позвал Арсений.
Я сразу отступила от Аркадия.
— Всё хорошо, малыш.
Сын появился в дверях.
— Пап, а ты опять маму ругаешь?
Аркадий выпрямился.
На его лице мелькнуло то, что он не успел спрятать.
Злость.
Не на меня.
На то, что ребёнок увидел.
— Нет, — сказал он. — Мы разговариваем.
Арсений подошёл ко мне и взял за руку.
— Мама не любит, когда громко.
Я сжала его пальцы.
Аркадий смотрел на нас обоих.
И вдруг я увидела в его взгляде расчёт.
Он заметил, что сын тянется ко мне.
Заметил — и запомнил.
Позже, когда Арсений уснул, Аркадий не пришёл говорить. Он закрылся в кабинете.
А мне пришло письмо на почту.
От одной из компаний, куда я утром отправила резюме.
«Алина, добрый день. Готовы пригласить вас на собеседование завтра в 14:00 на позицию администратора офиса».
Я перечитала письмо раз десять.
Это была не победа.
Даже не работа.
Просто собеседование.
Но я сидела в гостевой комнате, прижимая телефон к груди, и улыбалась впервые за несколько дней.
Завтра в четырнадцать ноль-ноль у меня было место, где я буду не женой, не обманутой женщиной, не помехой для чужой беременности.
А просто Алиной.
Женщиной, которая пришла попробовать начать заново.
В дверь постучали.
Я быстро погасила экран.
— Да?
Аркадий открыл дверь, не дожидаясь разрешения.
— Завтра в два будь дома.
У меня внутри всё оборвалось.
— Зачем?
— Приедет мой юрист. Обсудим соглашение.
Я медленно поднялась.
— Завтра в два я не могу.
Он посмотрел на меня внимательно.
— Почему?
Я впервые за долгое время улыбнулась ему спокойно.

— У меня собеседование.

Аркадий молчал.

Потом тихо сказал:

— Отмени.

— Нет.

— Алина.

— Нет.

Он сделал шаг в комнату.

— Ты правда думаешь, что какая-то смешная вакансия важнее решения вопроса о твоём будущем?

Я посмотрела на него.

— Именно поэтому я и пойду.

Он замер.

И в его взгляде снова появилась та самая тревога.

Потому что он понял: это уже не истерика.

Не обида.

Не попытка привлечь внимание.

Я действительно начала выходить из клетки.

Пусть на дрожащих ногах.

Пусть почти без денег.

Пусть с резюме, в котором было слишком много пустых лет.

Но дверь уже открылась.

И завтра я собиралась сделать шаг.

Глава 7. Собеседование

— Отмени.

Аркадий сказал это так, будто другого варианта не существовало.

Я стояла посреди гостевой комнаты, в старом домашнем костюме, с телефоном в руке, где всё ещё светилося письмо о собеседовании, и смотрела на мужа.

Ещё неделю назад я бы начала объяснять.

Что это важно. Что я не могу больше просто сидеть дома. Что мне нужна хоть какая-то самостоятельность. Что вакансия, может, и правда смешная для него, но для меня — первый шанс за шесть лет почувствовать землю под ногами.

Я бы говорила долго.

Он бы слушал недолго.

А потом всё равно решил бы за меня.

Теперь я сказала только:

— Нет.

Аркадий медленно вдохнул.

— Алина, у нас завтра важная встреча.

— У тебя завтра важная встреча. У меня собеседование.

— Речь о твоём будущем.

— Именно.

Он усмехнулся, но в этой усмешке уже не было прежней лёгкости. Только раздражение, тонкое, опасное, как трещина на стекле.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Понимаю.

— Нет. Ты пытаешься доказать мне, что можешь жить без меня.

Я посмотрела на него.

— А разве это преступление?

Он не ответил сразу.

В коридоре было тихо. Арсений спал. За окном моросил дождь, и свет фонарей расплывался по стеклу мутными пятнами. В этой квартире всё ещё было красиво. Дорого. Правильно. Только я больше не чувствовала себя частью этой красоты.

Я была в ней лишней.

Как пятно на белом ковре.

— Завтра в два ты будешь дома, — сказал Аркадий. — Мы поговорим с юристом. Спокойно. Без твоих истерик, без скриншотов, без этого цирка.

— Я не буду ничего обсуждать без Елены Викторовны.

— Твой адвокат тебе не поможет.

— Тогда тебе нечего переживать.

Его взгляд стал тяжёлым.

— Ты стала дерзкой.

— Нет. Просто раньше я молчала.

Аркадий шагнул ближе. Я не отступила.

— Не путай смелость с глупостью, Алина. Смелость — это когда есть ресурсы. Когда есть план. Когда ты можешь позволить себе последствия. А у тебя что? Пара тысяч на карте и резюме администратора?

Каждое слово било точно.

Он знал, куда нажимать.

Знал мой стыд. Мой страх. Мою зависимость. Все слабые места, которые я сама когда-то отдала ему в руки, думая, что любимому человеку можно показывать всё.

— У меня есть сын, — сказала я.

— Вот именно. Подумай о нём.

— Я о нём и думаю.

— Нет. Ты думаешь о своей обиде.

Я улыбнулась.

Устало.

— Как удобно называть боль обидой.

Аркадий поджал губы.

— Завтра в два, Алина.

— Завтра в два я буду на собеседовании.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд.

Потом он тихо сказал:

— Хорошо. Тогда не говори потом, что я не пытался договориться.

И вышел.

Дверь закрылась почти бесшумно.

Но мне всё равно показалось, что она хлопнула.

Я села на кровать и только тогда поняла, что дрожу. Не сильно. Мелко, изнутри, как будто в теле поселился холод.

Завтра.

Собеседование.

Юрист Аркадия.

Соглашение.

Ребёнок.

Мария.

Работа.

Всё смешалось в одну плотную тяжёлую массу, и на секунду мне захотелось лечь, накрыться одеялом с головой и перестать быть взрослой. Пусть кто-нибудь другой решит. Пусть кто-нибудь сильный войдёт и скажет: «Алина, я всё сделаю».

Но сильного никого не было.

Была я.

И этого, кажется, должно было хватить.

Утром я проснулась раньше будильника.

В квартире стояла предрассветная тишина. Аркадий уже не спал: из кабинета пробивалась тонкая полоска света. Значит, работал. Или делал вид, что работает. Или переписывался с юристом. Или с Марией.

Раньше я бы гадала.

Теперь не стала.

Я открыла шкаф и долго смотрела на свои вещи.

Платья, которые выбирал стилист. Блузки, которые нравились Аркадию. Костюмы, купленные для «нормального вида жены на деловых ужинах». Всё красивое, дорогое, чужое.

На собеседование администратора офиса в маленькую компанию по продаже медицинского оборудования я не могла прийти в платье, в котором когда-то стояла рядом с Аркадием на благотворительном вечере.

В итоге выбрала простые тёмные брюки, светлую рубашку и жакет без ярких деталей. Волосы собрала в низкий хвост. Макияж сделала минимальный, чтобы скрыть синяки под глазами, но не выглядеть так, будто я пытаюсь играть уверенность.

В зеркале на меня смотрела женщина, которую я знала плохо.

Не жена бизнесмена.

Не провинциальная девочка.

Не разбитая предательством тень.

Кто-то между.

Кто-то, кто ещё не успел стать собой, но уже перестал быть прежней.

На кухне Аркадий пил кофе.

Арсений ел кашу и рассказывал медведю, что сегодня в садике будет физкультура.

— Мам, ты красивая, — сказал сын, увидев меня.

Я улыбнулась.

— Спасибо, мой хороший.

Аркадий поднял взгляд.

Посмотрел на меня медленно. С головы до ног.

— На собеседование собралась?

— Да.

— В таком виде тебя, может, даже пожалеют.

Ложка в моей руке застыла.

Арсений нахмурился.

— Пап, нельзя так.

Аркадий повернулся к нему.

— Как?

— Мам красивая.

Несколько секунд он молчал.

Потом улыбнулся сыну.

— Конечно, красивая. Я просто пошутил.

Я посмотрела на Арсения и почувствовала одновременно нежность и ужас.

Он видел слишком много.

Слышал слишком много.

Даже если мы говорили тихо, даже если улыбались, даже если делали вид, что взрослые дела не касаются детей, они всё равно просачивались к нему. В интонациях. В паузах. В том, как я вздрагивала от звонков. В том, как Аркадий смотрел на меня за столом.

Я должна была вытащить его из этого.

Не когда-нибудь.

Скоро.

— Я отведу Сеню в сад, — сказала я.

— Я вызвал водителя, — спокойно произнёс Аркадий.

Я напряглась.

— Зачем?

— Чтобы тебе было удобнее.

— Мы дойдём пешком.

— Дождь.

— У нас есть зонт.

Он поставил чашку на стол.

— Не превращай заботу в поле боя.

— Тогда не превращай контроль в заботу.

Арсений переводил взгляд с меня на отца.

Я заставила себя улыбнуться.

— Сеня, доедай. Нам пора.

Мы всё-таки пошли пешком.

Дождь был мелким, почти невесомым. Арсений держал меня за руку и старательно обходил лужи, потому что «киты сегодня спят». Я слушала его, кивала, поправляла капюшон и пыталась не думать о том, что через несколько часов мне предстоит сидеть перед чужими людьми и доказывать, что я чего-то стою.

У ворот садика сын неожиданно крепко обнял меня.

— Мам, ты потом придёшь?

— Конечно.

— А если работа?

— Я всё равно приду.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты обещала всегда возвращаться.

Я присела перед ним.

— И я вернусь.

Он кивнул, будто принял важное соглашение, и побежал в группу.

Я стояла у ворот, пока дверь за ним не закрылась.

Потом достала телефон.

От Аркадия было одно сообщение.

«Юрист будет в 14:00. Не опаздывай».

Я ответила:

«Я предупреждала, что не смогу».

Почти сразу пришло:

«Тогда решение примем без тебя».

Я сделала скриншот и отправила Елене Викторовне.

Ответ пришёл через минуту:

«Ничего не подписывать. Никаких устных согласий. На встречу без меня не идти. На собеседование идите».

Я перечитала последнее предложение несколько раз.

На собеседование идите.

Как приказ.

Как разрешение.

Как маленький мост через страх.

До двух часов оставалось много времени. Я вернулась домой, но ненадолго. Забрала распечатанное резюме, документы об образовании, паспорт. Аркадия в квартире уже не было. Только на столе в гостиной лежала папка.

Белая.

Аккуратная.

С моей фамилией.

Я не хотела её открывать.

Но открыла.

Внутри лежал проект соглашения.

Я пробежала глазами первые страницы и почувствовала, как в груди поднимается ледяная волна.

«Место проживания несовершеннолетнего Левицкого Арсения Аркадьевича определяется с отцом...»

С отцом.

Я перестала дышать.

Строки расплылись.

С отцом.

Дальше были слова про «добровольное согласие матери», «учитывая финансовую стабильность отца», «право матери на регулярные встречи», «график общения», «материальная компенсация».

Компенсация.

За сына.

Я схватила телефон и сфотографировала каждую страницу. Торопливо, почти не видя. Потом отправила Елене Викторовне.

Она позвонила сразу.

— Вы это не подписываете. Ни при каких условиях. Понимаете?

— Да, — сказала я, но голос был хриплым.

— Алина, послушайте меня. Это давление. Очень грубое. Они хотят напугать вас перед встречей. Вы не обязаны присутствовать без своего представителя. Вы не обязаны обсуждать это сегодня. Вы не обязаны соглашаться.

— Он хочет забрать Сенью.

— Он хочет, чтобы вы испугались и начали ошибаться.

Я закрыла глаза.

— У него получится.

— Нет. Не получится. Потому что сейчас вы положите папку обратно, выйдете из квартиры и поедете на собеседование.

— Как я могу ехать, когда...

— Именно поэтому и поедете. Потому что ваша самостоятельность — часть вашей защиты.

Я молчала.

— Алина, он рассчитывает, что после этой бумаги вы не сможете думать ни о чём другом.

Не подарите ему это.

Я медленно вдохнула.

Положила папку обратно.

Взяла сумку.

Вышла из квартиры.

И только в лифте позволила себе прижать ладонь ко рту, чтобы не закричать.

На собеседование я приехала за двадцать минут.

Офис находился на втором этаже невысокого здания недалеко от метро. Никакого блеска, никакого мрамора, никакой охраны в строгих костюмах. Узкий коридор, кулер, стойка ресепшена, несколько дверей с табличками и запах кофе из автомата.

Я сидела на стуле у стены и держала резюме в папке.

Рядом прошла девушка в кроссовках с коробкой документов.

— Вы на собеседование? — спросила она.

— Да.

— К Виктории Сергеевне?

— Наверное.

— Не волнуйтесь. Она нормальная.

Я кивнула.

Не волнуйтесь.

Конечно.

Всего лишь первая попытка устроиться на работу после шести лет брака, на фоне угроз мужа забрать ребёнка и беременной любовницы, которая караулит у подъезда.

Что тут волноваться.

— Алина Левицкая? — позвала женщина из кабинета.

Я поднялась.

Виктория Сергеевна оказалась лет на десять старше меня, с короткой стрижкой, уставыми умными глазами и кружкой чая в руке. Она не выглядела человеком, которого легко впечатлить, но и не пыталась сразу поставить меня на место.

— Проходите. Присаживайтесь.

Я села.

Положила резюме перед собой.

Руки лежали на коленях слишком напряжённо, и я заставила себя расслабить пальцы.

— Вы давно не работали, — сказала Виктория Сергеевна, пробежав глазами лист.

Вот и всё.

Началось.

— Да, — ответила я. — Я была в декрете, потом занималась ребёнком и домом.

— Ребёнку сколько?

— Четыре.

— Садик?

— Да.

— Больничные?

Я замялась.

Честный ответ мог испортить всё. Нечестный потом ударил бы сильнее.

— Возможны, как у всех родителей. Но я постараюсь выстраивать график и искать помощь.

Виктория Сергеевна подняла глаза.

— Хорошо. Чем вы можете быть полезны нам?

Вопрос был простой.

Но я вдруг не знала, что сказать.

Чем я полезна?

Я умею по шагам собирать жизнь, когда она разваливается. Умею улыбаться ребёнку, когда внутри пусто. Умею за ночь стать осторожной, потому что от этого зависит будущее сына. Умею помнить тысячу мелочей, которые никто не считает трудом.

Но для офиса это всё не подходило.

— Я внимательная, — начала я. — Быстро учусь. Умею работать с документами, таблицами, звонками. У меня небольшой опыт, но я готова начинать с простых задач. Мне важно работать. Не просто числиться, а действительно быть полезной.

Виктория Сергеевна смотрела на меня внимательно.

Слишком внимательно.

Будто слышала не только слова.

— Почему сейчас? — спросила она.

Я могла сказать: ребёнок подрос.

Могла сказать: хочу развиваться.

Могла сказать что-то правильное и пустое.

Но устала врать.

— Потому что мне нужно стать самостоятельной, — сказала я.

В кабинете стало тихо.

Телефон в сумке завибрировал.

Я не достала его.

— Простите, — сказала я. — Я выключу звук.

На экране было пять пропущенных от Аркадия и сообщение:

«Твой отказ явиться будет зафиксирован».

Я выключила звук.

Сделала это медленно.

И убрала телефон обратно.

Виктория Сергеевна заметила.

— У вас сложная ситуация?

Я замерла.

— Личная. Но она не мешает мне работать.

— Обычно, когда люди так говорят, мешает.

Я опустила взгляд.

— Возможно. Но если я не начну, она точно меня уничтожит.

Слова вырвались сами.

Слишком честные.

Слишком лишние.

Я уже приготовилась к вежливому завершению собеседования.

Но Виктория Сергеевна только откинулась на спинку кресла.

— Администратор — работа нервная. Звонки, документы, клиенты, иногда недовольные менеджеры, иногда курьеры, которые всё теряют, иногда директор, который хочет отчёт «ещё вчера». Зарплата не космос. График с девяти до шести. Иногда можно договориться уйти раньше, но злоупотреблять нельзя.

— Я понимаю.

— Не уверена.

— Я тоже, — честно сказала я. — Но хочу попробовать.

Она впервые улыбнулась.

Едва заметно.

— Это лучший ответ, чем «я стрессоустойчива».

Я неуверенно улыбнулась в ответ.

Через двадцать минут я вышла из кабинета уже не совсем той женщиной, которая вошла.

Мне не предложили работу сразу.

Но предложили прийти на пробный день послезавтра.

Один день.

Посмотреть друг на друга.

Всего лишь один день.

Я шла к метро и чувствовала странное, почти забытое ощущение.

Не счастье.

Нет.

До счастья было далеко.

Но где-то внутри, под болью, страхом и злостью, тихо шевельнулось что-то живое.

Я могу.

Не всё.

Не сразу.

Но могу.

У выхода из метро я включила телефон.

Сообщений было много.

От Аркадия:

«Где ты?»

«Юрист приехал».

«Ты ведёшь себя безответственно».

«Не удивляйся последствиям».

От Елены Викторовны:

«Не отвечайте эмоционально. Напишите: “Все вопросы через моего представителя”».

Я так и сделала.

«Все вопросы через моего представителя».

Ответ Аркадия пришёл мгновенно:

«Ты ещё пожалеешь».

Я сделала скриншот.

И вдруг поняла, что больше не вздрагиваю от каждой его фразы.

Не потому, что не страшно.

Страшно.

Но страх больше не управлял всеми моими движениями.

Он просто шёл рядом.

Когда я пришла в садик, Арсений сидел на скамейке в раздевалке и натягивал шапку задом наперёд.

— Мам! — он бросился ко мне. — Ты пришла!

— Я же обещала.

Воспитательница Анна Павловна посмотрела на меня как-то странно.

— Алина Сергеевна, можно вас на минуту?

Я сразу напряглась.

— Что-то случилось?

Арсений замер.

— Мам?

— Всё хорошо, малыш. Одевайся пока.

Я отошла с воспитательницей к окну.

Анна Павловна понизила голос:

— Сегодня приходил мужчина. Представился юристом вашего мужа. Спрашивал, кто обычно забирает Арсения, во сколько, бывали ли у вас конфликты, не замечали ли мы за вами... странностей.

У меня похолодели руки.

— Каких странностей?

— Ну... эмоциональной нестабильности. Срывов. Неадекватного поведения.

Воздуха стало мало.

Аркадий не ждал.

Он уже начал.

— Что вы ему ответили? — спросила я.

Анна Павловна поджала губы.

— Что без официального запроса и вашего согласия я ничего обсуждать не буду. И что вы прекрасная мама.

Я закрыла глаза.

На секунду.

— Спасибо.

— Алина Сергеевна, у вас всё в порядке?

Я посмотрела на сына.

Он возился с молнией куртки, тихо что-то напевая себе под нос. Маленький. Родной. Совершенно не понимающий, что взрослые уже начали делить его жизнь на документы, графики и характеристики.

— Нет, — честно сказала я. — Но я стараюсь сделать так, чтобы у него было в порядке.

Анна Павловна мягко коснулась моей руки.

— Если понадобится характеристика из сада, скажите.

Я чуть не расплакалась прямо там.

Не потому что это решало всё.

А потому что кто-то опять оказался на моей стороне.

Пусть немного.
Пусть осторожно.
Но на моей.
Дома нас встретила тишина.
Аркадия не было.
На столе в гостиной лежала та же белая папка.
А рядом — новая записка.
Написанная его рукой.
«У тебя есть время до пятницы. Потом я буду действовать официально».
Я взяла лист.
Прочитала.
Сфотографировала.
И вдруг почувствовала не ужас.
А ярость.
Спокойную.
Чистую.
Такую, от которой не кричат.
От которой начинают действовать.
Я посадила Арсения ужинать, включила ему мультик на кухне, а сама вышла в коридор и позвонила Елене Викторовне.
— Он уже ходил в сад, — сказала я.
На том конце повисла пауза.
Потом голос адвоката стал жёстче:
— Хорошо. Значит, игра началась. Завтра утром подаём заявление о порядке общения и фиксируем давление. И ещё, Алина...
— Да?
— Сегодня не оставайтесь одна, если можете. Позовите мать. Подругу. Кого угодно. Ему нужно понять, что вы больше не изолированы.
Я посмотрела на закрытую дверь кухни, за которой смеялся Арсений.
Потом на записку в руке.
— Я позвоню маме, — сказала я.
И впервые эти слова не показались мне поражением.
Это была не слабость.
Это была первая линия обороны.
Вечером, когда Аркадий открыл дверь своим ключом, в прихожей уже стояла мамина старая дорожная сумка.
А на кухне моя мама мыла чашку и смотрела на моего мужа так, как умеют смотреть только матери, которые поняли: их ребёнка обидели.
Аркадий остановился на пороге.
— Добрый вечер, — сказала мама.
Спокойно.
Даже вежливо.
Но я увидела, как у него напряглось лицо.
Он ожидал найти меня одну.
Испуганную.
Готовую к разговору на его условиях.
А нашёл семью.
Маленькую.
Небогатую.

Не влиятельную.

Но мою.

Мама поставила чашку на стол и добавила:

— Ну что, Аркадий. Теперь поговорим не только с Алиной.

Глава 8. Мама приехала

Аркадий не любил мою маму.

Он никогда не говорил этого прямо. Аркадий вообще редко говорил неприятные вещи прямо, если их можно было обернуть в красивую упаковку.

«Твоя мама слишком эмоциональная».

«Она простая женщина, ей трудно понять наш образ жизни».

«Не надо посвящать её в наши дела, она будет только переживать».

«Алина, мы взрослые люди. Семейные вопросы решаются внутри семьи».

Раньше я соглашалась.

Не потому, что мама действительно мешала. А потому, что мне хотелось быть хорошей женой. Такой, которая не выносит сор из избы, не жалуется родителям, не звонит маме после каждой ссоры.

Я гордилась тем, что у нас с Аркадием «взрослый брак».

Теперь я понимала: иногда «не выносить сор из избы» означает просто сидеть одной посреди этого сора и делать вид, что пахнет цветами.

Мама стояла у кухонного стола в своём старом вязаном кардигане, который я помнила ещё с детства, и смотрела на Аркадия спокойно. Но я знала этот взгляд.

Так она смотрела на моего отчима, когда тот однажды попытался сказать, что я слишком много ем хлеба.

После этого отчим больше никогда не обсуждал мой хлеб.

— Добрый вечер, — повторила мама.

Аркадий медленно снял пальто.

— Нина Петровна. Не знал, что вы приедете.

— Я тоже не знала, что придётся.

Он повесил пальто в шкаф, аккуратно, как всегда. В этом был весь Аркадий: даже когда вокруг всё горело, он поправлял плечики.

— Алина, — сказал он, не глядя на маму. — Можно тебя на минуту?

— Нет, — ответила мама вместо меня.

В кухне стало тихо.

Я стояла у плиты, сжимая полотенце в руках, и вдруг поняла, что забыла, каково это — когда за тебя кто-то отвечает не потому, что хочет контролировать, а потому, что защищает.

Аркадий медленно повернулся к ней.

— Простите?

— Не надо её куда-то уводить. Говорите здесь.

— Это разговор между мужем и женой.

— Уже нет, — сказала мама. — Раз ты присылаешь юристов в детский сад, значит, это уже не разговор между мужем и женой. Это давление на мою дочь.

Его лицо почти не изменилось.

Почти.

Но я заметила, как напряглась линия челюсти.

— Алина, — голос стал мягче, — ты рассказала матери не всё.

Мама усмехнулась.

— О, началось.

— Нина Петровна, я понимаю ваши эмоции...

— Не понимаете.

— ...но вы вмешиваетесь в ситуацию, не зная деталей.

— Детали простые, — перебила она. — У вас беременная любовница. Вы угрожаете моей дочери ребёнком. Ваш юрист ходит в садик и расспрашивает воспитателя, не сумасшедшая ли мать вашего сына. Мне достаточно деталей.

Аркадий посмотрел на меня.

Не зло.

Хуже.

Так, будто я нарушила главный закон.

Рассказала.

Открыла дверь.

Впустила свидетеля.

— Ты решила устроить семейный суд? — спросил он.

Я вытерла руки полотенцем и положила его на стол.

— Нет. Я решила больше не быть одна.

Эта фраза вышла тихой.

Но после неё мама чуть заметно выдохнула. Будто именно этого и ждала от меня.

Аркадий усмехнулся.

— Прекрасно. Теперь у нас группа поддержки.

— У Алины есть мать, — сказала мама. — И это нормально.

— Нормально — решать семейные вопросы без посторонних.

— Я не посторонняя.

— В юридическом смысле — посторонняя.

Мама склонила голову.

— В человеческом — нет.

Он замолчал.

Арсений выглянул из гостиной, где я включила ему мультик.

— Бабушка, а ты завтра тоже будешь?

Мамино лицо мгновенно изменилось. Стало тёплым, мягким.

— Буду, котик. Если мама разрешит.

— Разрешит! — обрадовался он. — А ты мне пирожки сделаешь?

— Сделаю.

— С картошкой?

— С картошкой.

— И с капустой?

— И с капустой.

— А папа будет?

Мама замерла всего на секунду.

Я тоже.

Аркадий первым ответил:

— Конечно, буду. Это мой дом.

Мама посмотрела на него.

Я увидела, как её пальцы сжались на чашке.

Но она промолчала.

Ради Арсения.

Сын, не заметив ничего странного, убежал обратно к мультиту.

И только после этого мама поставила чашку в раковину.

— Дом — это не стены, Аркадий. Дом — это место, где ребёнку спокойно.

Он улыбнулся.

Холодно.

— Вы приехали учить меня, как заботиться о сыне?

— Нет. Я приехала напомнить Алине, что она не обязана терпеть унижение ради красивых стен.

Я почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

Мама не смотрела на меня. Наверное, специально. Чтобы я не расплакалась.

Аркадий прошёл в кухню и сел за стол. Так, будто это был деловой разговор, а не вечер, в котором моя мать впервые увидела трещины моего брака.

— Хорошо, — сказал он. — Раз вы теперь участвуете, давайте говорить честно. Ваша дочь сейчас находится в эмоциональном состоянии. Она принимает решения под влиянием обиды. Ей кажется, что она способна обеспечить ребёнку прежний уровень жизни, но это не так. Я предлагаю цивилизованное решение.

— Забрать у неё сына? — спросила мама.

— Определить место проживания Арсения со мной.

Я даже зная об этом, всё равно вздрогнула.

Когда эти слова звучали вслух, в нашей кухне, за стеной от комнаты сына, они становились чудовищными.

Мама медленно повернулась ко мне.

— Это правда?

Я кивнула.

Она побледнела.

Но не заплакала. Не закричала. Только выпрямилась так, будто внутри неё поставили железный стержень.

— Значит, так, — сказала она. — Пока я здесь, никто у моей дочери ребёнка не заберёт. Аркадий даже не повысил голос.

— Нина Петровна, при всём уважении, вы ничего не решаете.

— При всём уважении, я уже многое решила. Например, что Алина больше не будет молчать.

— Вы хотите втянуть её в войну?

— Её уже втянули. Вы.

Он посмотрел на меня.

— Алина, ты понимаешь, что происходит? Твоя мать сейчас толкает тебя на путь, который тебе не по силам.

Я вдруг устала бояться.

Наверное, не навсегда. Наверное, завтра снова будет страшно. Но в эту минуту, на кухне, между мамой и мужем, я вдруг почувствовала странную ясность.

— Мне не по силам было жить во лжи, — сказала я. — А остальное я как-нибудь выдержу.

Аркадий медленно поднялся.

— Как-нибудь?

— Да.

— Ребёнка не растят «как-нибудь».

— Тогда почему ты решил, что можно «как-нибудь» заводить второго на стороне?

Мама резко вдохнула.

Аркадий замер.

Я сама удивилась своей фразе.

Она прозвучала не громко, но очень точно. Слишком точно для той Алины, которая раньше подбирала слова, чтобы не задеть его.

— Следи за тоном, — сказал он.

Мама шагнула вперёд.

— Это ты следи за тоном.

Он повернулся к ней.

— Не забывайте, где находитесь.

— Я нахожусь рядом с дочерью. Остальное меня мало волнует.

Впервые я увидела, как Аркадий не знает, что ответить сразу.

С подчинёнными он умел говорить. С партнёрами — тем более. Со мной — годами отработанно. Но мама не играла по его правилам. Она не боялась потерять его деньги. Не зависела от его квартиры. Не хотела быть для него красивой, разумной, удобной.

Она просто была моей мамой.

И это выбивало его из привычной схемы.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Разговор бессмысленный.

— Очень даже смысловой, — ответила мама. — Вы теперь знаете, что Алина не одна.

Аркадий взял со стола телефон.

— Тогда пусть её группа поддержки объяснит ей последствия.

— Объяснит, — сказала мама. — И поможет пережить.

Он посмотрел на меня.

— Завтра мой юрист свяжется с твоим адвокатом. Я надеюсь, ты понимаешь: если ты выбираешь конфликт, он будет настоящим.

Я кивнула.

— Уже поняла.

— Хорошо.

Он вышел из кухни.

Через минуту хлопнула дверь кабинета.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы Арсений выглянул из гостиной.

— Папа злится?

Я присела перед сыном.

— Папа устал.

— А ты?

— Я тоже.

Арсений подумал.

— Тогда всем надо спать.

Мама отвернулась к окну.

Я увидела, как она быстро вытерла глаза.

— Ты прав, — сказала я сыну. — Всем надо спать.

Но спать никто не лёг.

Арсения я уложила только через час. Он долго просил бабушку рассказать сказку, потом хотел воды, потом спрашивал, почему взрослые всё время разговаривают шёпотом.

— Потому что думают, что дети не слышат, — серьёзно сказала мама.

— А я слышу, — сообщил он.

— Вот поэтому взрослым надо быть умнее.

Я сидела рядом с кроватью сына и гладила его по спине, пока дыхание не стало ровным. Потом ещё долго не вставала.

Мама ждала меня на кухне.

Перед ней стояли две чашки чая. Мой — с лимоном. Как в детстве, когда я болела.

— Садись, — сказала она.

Я села.

И только тогда, когда дверь детской была закрыта, Аркадий в кабинете, а на кухне пахло маминым чаем, я развалилась.

Не красиво.

Не сдержанно.

Просто закрыла лицо руками и заплакала.

Мама не сказала «не плачь».

Не сказала «успокойся».

Она пересела ближе, обняла меня за плечи и начала тихо гладить по волосам.

— Всё, доченька. Всё. Я здесь.

Эти два слова окончательно добили.

Я здесь.

Как мало надо человеку, которого слишком долго убеждали, что он должен справляться один.

— Мам, — выдохнула я сквозь слёзы, — я такая дура.

— Нет.

— Я всё подписала. Брачный договор. Бумаги. Я даже не читала. Я поверила ему. Я думала...

— Ты любила.

— Это не оправдание.

— Это не преступление.

Я подняла голову.

Мама смотрела на меня устало и больно.

— Доченька, женщины часто верят тем, кого любят. Это не делает их дурами. Это делает подлецами тех, кто пользуется доверием.

Я снова заплакала.

Тише.

Уже без истерики.

Просто слёзы текли сами, смывая первые слои того ужаса, который я носила внутри с момента сообщения.

— Он хочет забрать Сеню, — прошептала я.

Мамино лицо стало жёстким.

— Не заберёт.

— У него деньги.

— У тебя ребёнок тебя любит.

— Этого мало.

— Тогда будет ещё. Юрист. Документы. Характеристика из сада. Работа. Я помогу. Твой отчим тоже поможет, даже если будет ворчать. Брат приедет, если надо. Мы не богатые, Алин, но мы не умерли.

Я почти улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты ему ещё хлеб припомни.

Мама фыркнула.

— Надо будет — и хлеб припомню.

Я впервые за много дней засмеялась.

Коротко.

Сломанно.

Но по-настоящему.

Мама смотрела на меня так, будто этот смех был важнее всех юридических документов.

— Ты поедешь домой? — спросила я.

— Нет.

— Мам, тут неудобно.

— Мне в жизни бывало неудобнее.

— Аркадий будет против.

— Пусть напишет жалобу.

Я снова почти рассмеялась.

— Ты не понимаешь, он может...

— Я всё понимаю, — перебила мама. — Он привык, что ты одна. И что тебе можно сказать: «будь разумной» — и ты замолчишь. Теперь не замолчишь.

Я обхватила чашку ладонями.

— Мне страшно.

— Конечно.

— Очень.

— Это тоже нормально.

— А если я не справлюсь?

Мама посмотрела на меня внимательно.

— Справишься не сразу. Будешь ошибаться. Будешь плакать. Будешь жалеть. Будешь иногда думать: может, надо было потерпеть. Это всё будет. Но ты всё равно справишься.

— Почему ты так уверена?

Она помолчала.

Потом сказала:

— Потому что ты уже не спрашиваешь, как вернуть всё назад. Ты спрашиваешь, как выдержать дальше.

Я опустила глаза.

И поняла, что она права.

Где-то внутри меня всё ещё болело по прошлой жизни. По утрам, где Аркадий был мужем, а не угрозой. По семейным фотографиям. По вере в то, что я выбрана не временно, не до следующей новой женщины, а навсегда.

Но назад я уже не хотела.

Не по-настоящему.

Той жизни больше не существовало.

Была только декорация, в которой слишком долго горел свет.

Мы просидели на кухне почти до полуночи.

Мама спрашивала всё по порядку. Когда началось. Что сказал Аркадий. Что писала Мария. Какие документы есть. Кто адвокат. Сколько денег. Есть ли работа. Что с садиком.

Я отвечала.

Иногда сбивалась.

Иногда замолкала.

Но продолжала.

И чем больше говорила, тем меньше всё это напоминало кошмар, в котором я одна бегу по коридору без дверей. События превращались в цепочку. Страшную, но понятную.

А понятное уже можно было пережить.

В половине первого мама легла в гостиной на диван. Я принесла ей плед.

— Может, я сама тут, а ты в гостевой? — предложила я.

— Даже не начинай. Мне твой диван нравится. Богатый.

— Мам.

— Что мам? Хотя какая-то польза от его денег.

Я покачала головой.

Она легла, но взяла меня за руку.

— Алин.

— Да?

— Ты не виновата.

Я открыла рот, но она сжала мои пальцы.

— Не спорь. Просто послушай. Ты не виновата, что он изменил. Не виновата, что она беременна. Не виновата, что он пытается давить. Не виновата, что верила мужу. Слышишь?

Я кивнула.

— Не слышу.

— Слышу, — прошептала я.

— Вот и хорошо.

Я ушла в гостевую комнату, закрыла дверь и впервые за много дней не почувствовала себя запертой.

За стеной была мама.

В детской — сын.

В кабинете — Аркадий.

Но расстановка сил изменилась.

Я больше не была одна против него.

Утром меня разбудил не будильник.

Голос Аркадия.

Спокойный. Холодный. Из прихожей.

— Нина Петровна, вы не можете оставаться здесь.

Я резко села.

За дверью прозвучал мамин голос:

— Могу.

— Это моя квартира.

— А это моя дочь.

Я быстро накинула халат и вышла.

Аркадий стоял у входа в гостиную уже одетый, с телефоном в руке. Мама сидела на диване, укрытая пледом, с растрёпанными волосами и таким видом, будто готова была спорить хоть с президентом.

— Что происходит? — спросила я.

Аркадий повернулся ко мне.

— Я прошу твою мать покинуть квартиру.

— А я отказываюсь, — сказала мама.

— Ты не имеешь права приводить сюда людей без моего согласия, — сказал он мне.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается старый страх.

Моя квартира — не моя.

Мой дом — не мой.

Моя мать — нежеланный гость.

Но мама уже смотрела на меня. Внимательно. Молча.

Не входи в прежнюю роль.

Я выпрямилась.

— Мама останется.

— Нет.

— Да.

Аркадий сузил глаза.

— Не вынуждай меня вызывать охрану.

Мама поднялась.

— Вызывай. Заодно объяснишь, почему выгоняешь бабушку своего сына из квартиры после того, как твой юрист ходил в детский сад собирать грязь на его мать.

Он застыл.

На секунду.

И этой секунды мне хватило, чтобы взять телефон и включить запись.

Аркадий увидел движение.

Его лицо стало каменным.

— Вы обе совершаете ошибку, — сказал он.

— Возможно, — ответила я. — Но теперь мы совершим её вместе.

В этот момент из детской вышел Арсений с медведем под мышкой.

— Бабушка, ты пирожки обещала.

Мама мгновенно улыбнулась.

— Помню.

Арсений повернулся к отцу:

— Пап, бабушка останется. У неё пирожки.

Аркадий посмотрел на сына.

Потом на меня.

Потом на маму.

И впервые за всё время промолчал.

Но когда уходил, задержался у двери и сказал тихо, только мне:

— Ты пожалеешь, что впутала её.

Дверь закрылась.

Я стояла в прихожей, с телефоном в руке, и понимала: он не отступил.

Просто выбрал следующий удар.

Через час, когда мама жарила на кухне картошку, а Арсений радостно лепил из теста кривые пирожки, мне пришло сообщение от Елены Викторовны:

«Алина, срочно. Ваш муж подал заявление о принятии обеспечительных мер по ребёнку.

Нужно встретиться сегодня».

Я перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Мама заметила моё лицо.

— Что?

Я подняла глаза.

И впервые сказала без слёз:

— Он начал официально.

Мама выключила плиту.

Арсений, ничего не понимая, поднял руки, испачканные мукой.

— Мам, а пирожки будут?

Я подошла к нему, поцеловала в макушку и улыбнулась.

— Будут, малыш.

Потому что войны войнами.

А ребёнок не должен остаться без пирожков.

Глава 9. Первый удар

Слово «официально» прозвучало страшнее, чем все угрозы Аркадия.

Пока он говорил: «пожалеешь», «у решений бывают последствия», «ты не справишься», — это ещё можно было воспринимать как давление. Как злость. Как попытку напугать меня, заставить вернуться в привычное состояние — тихое, удобное, послушное.

Но теперь были не только слова.

Теперь он подал заявление.

Теперь где-то в системе появились документы, в которых мой муж, отец моего ребёнка, человек, который когда-то плакал в роддоме, когда впервые взял Арсения на руки, просил государство защитить сына от меня.

Я стояла на кухне с телефоном в руке и смотрела на сообщение Елены Викторовны.

«Ваш муж подал заявление о принятии обеспечительных мер по ребёнку. Нужно встретиться сегодня».

Пирожки на столе выглядели нелепо.

Мука на руках Арсения — тоже.

Мама у плиты — в фартуке, с заколотыми на затылке волосами, с лицом, которое за одну секунду стало старше лет на десять.

А я вдруг подумала: вот как ломаются жизни. Не под громкую музыку. Не в момент, когда женщина падает на пол и рыдает. А среди теста, картошки и детского голоса:

— Мам, а что значит официально?

Я вздрогнула.

Арсений смотрел на меня снизу вверх, держа в руках кривой кусок теста.

Мама резко повернулась:

— Это взрослое слово, котик.

— А почему мама испугалась?

Я опустилась перед сыном на колени.

Ладони были холодные, но я постаралась улыбнуться.

— Я не испугалась. Просто мне нужно съездить по делам.

— Сейчас?

— Да.

— А пирожки?

Мама тут же сказала:

— Пирожки будут. Мы с тобой сами справимся. Правда?

Арсений нахмурился.

— А мама потом придёт?

Второй раз за два дня он спрашивал одно и то же.

И от этого внутри что-то рвалось.

Ребёнок уже чувствовал, что взрослые уходят не просто «по делам». Что каждый выход из дома теперь связан с тревогой. Что обещание вернуться стало важнее сказок.

Я взяла его лицо в ладони.

— Я обязательно вернусь. Ты же знаешь.

Он смотрел внимательно.

Слишком внимательно для четырёх лет.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он кивнул.

— Тогда я тебе оставлю самый красивый пирожок.

— Договорились.

Я поцеловала его в лоб и поднялась.

Мама уже вытирала руки полотенцем.

— Я с тобой.

— Нет, мам. Останься с Сеней.

— Алина...

— Пожалуйста. Мне спокойнее, когда ты здесь.

Она замолчала.

И я увидела, как ей трудно согласиться. Мама хотела идти со мной. Хотела стоять рядом, спорить, защищать, смотреть на адвоката так же твёрдо, как на Аркадия. Но она поняла главное: сейчас моя первая линия обороны была дома.

У Арсения должны быть пирожки.

У Арсения должна быть бабушка.

У Арсения должно быть хотя бы несколько часов обычной жизни.

— Хорошо, — сказала мама. — Но ты будешь звонить.

— Буду.

— И не геройствовать.

— Не буду.

— Врёшь.

Я почти улыбнулась.

— Немного.

Она подошла и обняла меня крепко, по-матерински, без осторожности. Так, что на секунду я снова стала маленькой. Той девочкой, которая прибегала домой с разбитой коленкой и знала: мама подует, обработает зелёной, пожалеет, а потом скажет — иди дальше, жить надо.

— Слушай адвоката, — прошептала она. — И помни: он пугает тебя сыном, потому что знает, что это самое дорогое.

Я кивнула.

— Значит, бить будет туда.

— Да.

Мама отстранилась и посмотрела мне в глаза.

— А ты не падай.

Я вышла из квартиры через десять минут.

В сумке лежали документы, телефон, зарядка, блокнот, паспорт и маленькая игрушечная машинка Арсения, которую я случайно нашла в кармане пальто. Доставать не стала. Пусть лежит. Странно, но от её тяжести мне было спокойнее.

На улице было серо и мокро. Москва жила своей жизнью: кто-то спешил с кофе, кто-то ругался у подъезда, курьер пытался втиснуть огромный рюкзак в маршрутку. Никому не было дела до женщины, которая ехала к адвокату, потому что муж решил официально забрать у неё ребёнка.

И это было почти обидно.

Внутри у тебя конец света.

А снаружи просто четверг.

Елена Викторовна встретила меня без лишних слов. На столе уже лежали распечатки, какие-то заявления, копии сообщений, мои скриншоты, фотографии брачного договора.

— Садитесь, — сказала она. — Воды?

— Нет.

— Тогда сразу.

Я села.

Спина была прямая, но только потому, что если бы я расслабилась, то, наверное, рассыпалась бы.

— Ваш муж подал заявление в рамках подготовки к спору о ребёнке, — сказала Елена Викторовна. — Формулировки ожидаемые: мать находится в нестабильном эмоциональном состоянии, действует под влиянием третьих лиц, препятствует спокойному общению отца с ребёнком, намерена сменить место жительства без согласования.

— Но я ничего такого не делала.

— Знаю.

— Я не препятствовала.

— Знаю.

— Я даже не уезжала.

— Алина.

Я замолчала.

Елена Викторовна посмотрела на меня поверх очков.

— Суду нужно не ваше возмущение, а доказательства. Хорошая новость: он поспешил. И уже оставил следы.

— Какие?

Она начала загибать пальцы.

— Первое: сообщение «ты ещё пожалеешь». Второе: проект соглашения, где он предлагает определить место жительства ребёнка с отцом, не имея на это фактических оснований. Третье: визит его юриста в детский сад с вопросами о вашей нестабильности. Четвёртое: запись к психотерапевту без вашего согласия. Пятое: переписка Марии и её визит к вашему дому.

Я слушала и впервые за сутки почувствовала не только страх.

Ещё и злость.

Правильную.

Рабочую.

Он хотел собрать из меня образ слабой, истеричной женщины. Но, торопясь, сам показывал, как давит.

— Что мы делаем? — спросила я.

— Отвечаем. Жёстко, но спокойно. Подаём встречное заявление: определить место проживания ребёнка с матерью на период спора, установить порядок общения отца с ребёнком без нарушения режима ребёнка, запретить третьим лицам вмешиваться в коммуникацию с матерью. Отдельно фиксируем давление.

— Третьим лицам — это Марии?

— В том числе.

Я закрыла глаза.

Мария.

Иногда мне казалось, что если я достаточно долго не буду думать о ней, она исчезнет. Но она не исчезала. Она была в сообщениях, в беременности, в паузах Аркадия, в угрозах, в каждой моей ночной мысли.

— А если суд решит, что у него больше возможностей? — спросила я.

— Возможности — это не только деньги. Вы основной заботящийся родитель. Вы водите ребёнка в сад, занимаетесь бытом, знаете врачей, режим, привычки. У нас будет характеристика из детского сада. Нужны справки от педиатра, может быть, выписка по прививкам, кружкам, всё, где видно ваше участие.

— Я найду.

— И ещё. Работа.

Я сразу напряглась.

— У меня пробный день послезавтра.

Елена Викторовна кивнула.

— Хорошо. Но не пытайтесь изображать, что завтра у вас стабильный высокий доход. Честность лучше. Вы ищете работу, предпринимаете шаги, у вас есть помощь матери. Это нормально.

— А квартира?

— Пока вы проживаете с ребёнком там. Это его привычная среда. Ваш муж не имеет права просто выгнать вас с ребёнком, даже если квартира принадлежит ему.

Я выдохнула.

Чуть-чуть.

— Но он может пытаться.

— Будет.

Ответ прозвучал безжалостно.

И, странным образом, помог.

Потому что я устала от неопределённости. От «может быть». От ожидания, что за углом окажется новый удар. Елена Викторовна не обещала сказку. Она говорила: будет тяжело. Он будет давить. Но у нас есть ход.

— Алина, — сказала она мягче, — мне нужно задать неприятный вопрос.

Я напряглась.

— Он когда-нибудь поднимал на вас руку?

— Нет.

Ответ вышел сразу.

Потом я задумалась.

— То есть... нет. Не бил. Никогда.

— Толкал? Хватал? Блокировал выход?

Я хотела снова сказать «нет».

Но память вдруг вытащила мелочь.

Полгода назад. Ссора из-за того, что я хотела съездить к маме на неделю, а Аркадий был против. Он тогда встал в дверях спальни, не выпуская меня, и говорил: «Успокойся, потом решим». Я пыталась пройти, он взял меня за плечи. Не больно. Но крепко. Так, что я почувствовала себя маленькой.

Ещё раньше — на корпоративе. Я сказала, что устала и хочу домой, а он сжал мою руку под столом так, что на запястье остались следы. Потом подарил браслет.

Я тогда решила, что сама виновата. Не надо было спорить при людях.

— Не бил, — сказала я медленно. — Но... бывало, что удерживал. Хватал за руку.

Елена Викторовна записала.

— Это важно?

— Всё важно. Особенно если давление усиливается.

Я посмотрела на свои руки.

Красивый браслет, подаренный после того корпоратива, всё ещё лежал дома в шкатулке. Дорогой. Тонкий. С маленькими бриллиантами.

Компенсация за синяки, которые я сама убедила себя не замечать.

Мне стало холодно.

— Я не думала, что это считается, — сказала я.

— Большинство женщин не думают.

В кабинете стало тихо.

Потом Елена Викторовна придвинула ко мне лист.

— Здесь список того, что нужно собрать сегодня-завтра. И ещё одно: постарайтесь не оставлять ребёнка так, чтобы отец мог забрать его без предупреждения.

— Он отец. Он имеет право.

— Имеет. Поэтому мы действуем аккуратно. Но если он заберёт ребёнка и откажется возвращать, вам будет очень тяжело эмоционально. Юридически решаемо, но тяжело. Предупредите садик, что любые изменения по забору ребёнка — только после вашего звонка. Они не могут запретить отцу, но могут хотя бы сообщить вам сразу.

Я вцепилась пальцами в край стола.

— Он может так сделать?

Елена Викторовна не ответила сразу.

И этого хватило.

Я достала телефон.

Мама ответила после первого гудка.

— Что случилось?

— Всё нормально. Сеня с тобой?

— Да. Лепит остатки теста. Уже сделал пирожок в виде трактора.

Я закрыла глаза.

Живой.

Дома.

С бабушкой.

— Мам, пожалуйста, сегодня не отпускай его никуда без меня. Если Аркадий придёт или пришлёт водителя...

— Я поняла.

— Даже если скажет, что я разрешила.

— Алина, я поняла.

Голос у мамы стал таким, что я вдруг почти пожалела Аркадия, если он решит проверить её на прочность.

— Я скоро буду.

— Не торопись. Делай что надо.

После консультации мы с Еленой Викторовной составили ответ. Я подписывала документы, читая каждую страницу. Медленно. Внимательно. Иногда просила объяснить слово. Иногда возвращалась к предыдущему пункту.

И каждый раз, когда рука уставала, я вспоминала другую подпись.

Ту, в брачном договоре.

Лёгкую.

Доверчивую.

Глупо счастливую.

Больше так не будет.

— Хорошо, — сказала Елена Викторовна, когда мы закончили. — Теперь домой. Спокойно. Никаких разговоров с мужем без записи. Если начнёт давить — уходите в комнату, звоните мне или матери. И ещё...

Она достала отдельный лист.

— Напишите заявление в садик. Не запрет на выдачу отцу, это невозможно без решения суда. Но просьбу немедленно уведомлять вас при любой попытке забрать ребёнка не по обычному графику. Пусть зарегистрируют.

Я взяла лист.

— Спасибо.

— И держитесь.

Эта фраза прозвучала сухо.

Но в ней было больше поддержки, чем во многих объятиях.

Домой я ехала с документами в сумке и ощущением, что внутри меня натянута тонкая проволока.

Не порваться.
Только не порваться.
У подъезда стояла машина Аркадия.
Чёрная.
Знакомая.
Слишком рано.
Я остановилась на тротуаре.
Сердце ударило в рёбра.
Он дома.
Мама.
Сеня.
Я почти побежала.

Влетела в подъезд, нажала кнопку лифта, но он был где-то высоко. Тогда поднялась пешком. На третьем этаже сбилось дыхание, на пятом заболел бок, на седьмом я уже ненавидела себя за то, что когда-то радовалась высокому этажу и красивому виду.

Дверь квартиры была закрыта.
Я достала ключи.
Руки не слушались.
Вошла.
В прихожей стояли ботинки Аркадия.
Из кухни доносились голоса.
Мама говорила спокойно:
— Я сказала, дождёмся Алину.

Аркадий ответил:
— Я не обязан спрашивать разрешения, чтобы провести время с сыном.
— Провести время — нет. Увезти — да.
Я прошла на кухню.

Арсений сидел за столом, перед ним лежал пирожок, действительно похожий на трактор. Он был растерян. Глаза бегали от бабушки к отцу.

Аркадий стоял у окна в пальто.
Значит, он собирался уходить.
С ним.
— Мам! — Арсений соскочил со стула и бросился ко мне.

Я присела и обняла его так крепко, что он пискнул.
— Ты меня задушишь.
— Прости, малыш.

Я заставила себя отпустить.

Аркадий смотрел на нас.

— Прекрасная сцена.

Я поднялась.

— Ты хотел увезти Сеню?

— Я хотел забрать сына на прогулку.

— Без предупреждения?

— Я его отец.

— Я его мать.

— И что? Теперь мне нужно писать заявление на право погулять с собственным ребёнком?

Мама стояла рядом с плитой. Прямая, напряжённая.

— Аркадий, сейчас не время.

— Нина Петровна, я вас очень прошу не вмешиваться.
— А я вас очень прошу не пугать ребёнка.
Он резко посмотрел на Арсения.
Сын стоял рядом со мной и сжимал мою руку.
И только тогда Аркадий словно понял, как это выглядит.
Не для суда.
Не для юристов.
Для собственного сына.
Он выдохнул.
— Сеня, я хотел отвезти тебя в парк. Помнишь, мы собирались кататься на машинках?
Арсений посмотрел на меня.
Не на отца.
На меня.
— Мам, можно?
Вот оно.
Самое сложное.
Я не могла сказать: «Нет, потому что я боюсь, что папа тебя не вернёт».
Не могла сказать: «Да», потому что внутри всё кричало.
Я присела перед ним.
— Сегодня мы уже договорились с бабушкой про пирожки. А с папой можно будет погу-
лять завтра, когда мы всё обсудим заранее.
Арсений нахмурился.
— А папа обидится?
Аркадий сжал челюсть.
Я посмотрела сыну в глаза.
— Взрослые сами отвечают за свои обиды.
Мама кашлянула, пряча улыбку.
Аркадий — нет.
— Очень педагогично, — сказал он.
Я достала телефон и положила на стол.
Экраном вверх.
— Я записываю разговор.
В кухне стало тихо.
— Ты серьёзно? — спросил Аркадий.
— Да.
— При ребёнке?
— Именно при ребёнке я хочу, чтобы все говорили спокойно.
Его лицо стало каменным.
— Ты превращаешь сына в свидетеля.
— Нет. Я защищаю его от сцен.
Мы смотрели друг на друга.
И я вдруг поняла: раньше он побеждал в таких моментах, потому что я начинала оправ-
дываться. Объяснять. Смягчать. Уступать «ради мира».
Теперь мир был невозможен.
Можно было только удерживать границы.
— Хорошо, — сказал Аркадий наконец. — Завтра я заберу сына из сада.
Я сразу ответила:
— Обсудим через юристов порядок общения.
— Ты запрещаешь мне видеть ребёнка?

— Нет. Я предлагаю порядок, чтобы ребёнку было спокойно.

— Мне не нужен твой порядок.

— Тогда он будет установлен официально.

Слово «официально» теперь работало в обе стороны.

Аркадий это понял.

На секунду в его глазах мелькнула ярость.

Но он сдержался.

— Ты быстро учишься, — сказал он тихо.

— Приходится.

Он взял ключи.

— Сеня, папа поедет. Увидимся завтра.

Арсений неуверенно помахал.

— Пока, пап.

Аркадий наклонился, чтобы поцеловать его, но сын вдруг отступил ко мне.

Совсем чуть-чуть.

Почти незаметно.

Но все заметили.

Аркадий выпрямился.

Его лицо не изменилось.

А вот глаза — да.

В них на секунду появилась боль.

Настоящая.

И от этого мне стало ещё тяжелее.

Потому что он мог быть ранен.

Мог любить сына.

Мог страдать.

И всё равно оставаться человеком, который пытался отнять у меня опору.

Он ушёл.

Дверь закрылась.

Арсений тут же спросил:

— Мам, я плохой?

Я опустилась перед ним.

— Почему ты так решил?

— Я не поцеловал папу.

У меня сжалось сердце.

Мама отвернулась к окну.

— Ты не плохой, — сказала я. — Ты просто растерялся. Так бывает.

— Папа обиделся?

— Возможно.

— Из-за меня?

— Нет, малыш. Из-за взрослых дел.

Он подумал.

— Я не люблю взрослые дела.

Я прижала его к себе.

— Я тоже.

Вечером, когда Арсений уснул, я сидела с мамой на кухне и заполняла список Елены Викторовны. Справки. Характеристики. Документы. Вакансия. Пробный день. Садик. Педиатр.

Мама резала яблоки, будто мы готовились не к юридической битве, а к поездке на дачу.

— Завтра я схожу в садик с заявлением, — сказала я.

— Я с тобой.
— Мам...
— Даже не начинай.
Я устало улыбнулась.
— Хорошо.
Телефон завибрировал.
Сообщение от Аркадия.
«Ты сегодня перешла черту. Завтра я заберу Арсения из сада сам. Попробуй помешать».
Я почувствовала, как внутри всё падает вниз.
Молча показала маме.
Она прочитала.
Лицо стало белым.
— Отправляй адвокату.
Я уже отправляла.
Ответ Елены Викторовны пришёл почти сразу:
«Утром в сад. Письменное уведомление. Я подготовлю срочное ходатайство. Не паникуйте».
Не паникуйте.
Я посмотрела на закрытую дверь детской.
На кухонный стол, где остался последний пирожок — тот самый, «самый красивый», который Арсений оставил мне.
Он был кривой, с вытекшей начинкой и подгоревшим краем.
Я взяла его в руки и вдруг поняла: вот ради чего всё.
Не ради квартиры.
Не ради фамилии.
Не ради победы над Марией.
Не ради того, чтобы доказать Аркадию, что я могу.
Ради того, чтобы мой сын жил в мире, где его мать не исчезает, не ломается и не отдаёт себя на растерзание только потому, что кто-то сильнее и богаче.
Я откусила пирожок.
Он был пересоленный.
И самый вкусный на свете.
А утром, когда мы с мамой и Арсением пришли в детский сад, у ворот уже стояла чёрная машина Аркадия.
Я остановилась.
Мама тихо выдохнула:
— Началось.
Арсений крепче сжал мою руку.
А из машины вышел не Аркадий.
Его юрист.
С папкой в руках и улыбкой человека, который уже решил, что всё будет по его правилам.

Глава 10. У ворот детского сада

Юрист Аркадия выглядел так, будто заранее знал финал.

Высокий, сухой, в тёмном пальто, с кожаной папкой в руке. На лице — вежливая улыбка человека, который не повышает голос не потому, что добрый, а потому что ему это не нужно.

Он стоял у ворот детского сада и смотрел на меня так, словно я уже проиграла, просто ещё не прочитала нужный документ.

Арсений сильнее сжал мою руку.

— Мам, а это кто?

Я опустилась перед сыном на корточки и поправила ему шарф.

— Взрослый человек, малыш. Мы сейчас быстро поговорим, а ты пойдёшь в группу.

— Он злой?

Юрист услышал.

Улыбка стала чуть шире.

— Конечно, нет, Арсений Аркадьевич. Я знакомый вашего папы.

Меня передёрнуло.

Не от слов.

От того, как легко он обратился к моему сыну по имени-отчеству, будто имел на это право. Будто Арсений был не ребёнком с тёплой ладошкой и криво застёгнутой курткой, а пунктом в деле.

Мама шагнула вперёд.

— С ребёнком не разговаривайте.

Юрист перевёл взгляд на неё.

— Нина Петровна, если не ошибаюсь?

Мама усмехнулась.

— А вы хорошо подготовились.

— Это моя работа.

— Плохая у вас работа.

Его улыбка не дрогнула.

— Я представляю интересы Аркадия Сергеевича Левицкого. Меня зовут Павел Андреевич. Нам необходимо урегулировать вопрос передачи ребёнка отцу.

Урегулировать.

Передачи.

Ребёнка.

Я почувствовала, как внутри поднимается паника — горячая, слепая, животная. Хотелось схватить Арсения на руки, развернуться и бежать. Куда угодно. Домой. К маме в старую квартиру. В другой город. В другую жизнь, где мужчины с папками не стоят у ворот садика и не говорят о твоём ребёнке так, будто он вещь.

Но я не побежала.

Потому что рядом был Сеня.

Потому что мама смотрела на меня.

Потому что где-то в телефоне было сообщение Елены Викторовны: «Не паникуйте».

Я достала телефон и включила запись.

Павел Андреевич заметил.

— Вы снова фиксируете разговор?

— Да.

— Это лишнее.

— Тогда говорите так, чтобы не жалеть.

Мама тихо хмыкнула.

Юрист посмотрел на меня внимательнее. Кажется, до этого момента он ожидал увидеть другую женщину. Испуганную. Растерянную. Готовую оправдываться. Может быть, плачущую.

Я и была испуганной.

Просто больше не собиралась показывать страх тем, кто пришёл им пользоваться.

— Алина Сергеевна, — сказал он, — ваш супруг намерен сегодня забрать сына после занятий.

— Сегодня ребёнка забираю я.

— Отец имеет равные права.

— Я этого не оспариваю. Порядок общения будет согласован через представителей.

— Представителей, — повторил он с лёгкой насмешкой. — Вы имеете в виду вашего адвоката?

— Да.

— Боюсь, вы неправильно понимаете ситуацию.

Я почти улыбнулась.

Эта фраза у них, видимо, была семейной.

Аркадий тоже постоянно говорил, что я ничего не понимаю.

— Тогда объясните, — сказала я. — Только коротко. Ребёнку нужно в группу.

Арсений стоял рядом совсем тихо. Это было хуже, чем если бы он капризничал. Он чувствовал напряжение и старался стать незаметным.

Я погладила его по голове.

Павел Андреевич открыл папку.

— Аркадий Сергеевич обеспокоен эмоциональным состоянием матери ребёнка, а также влиянием на неё третьих лиц. В частности, вашей матери.

Мама сделала шаг вперёд, но я чуть заметно коснулась её руки.

Не надо.

Не сейчас.

— Поэтому? — спросила я.

— Поэтому отец считает необходимым временно взять на себя основную заботу об Арсении до разрешения семейного конфликта.

— Семейного конфликта?

— Да.

— Вы имеете в виду измену моего мужа, беременность его любовницы, давление на меня, попытку записать меня к психотерапевту без моего согласия и визит вашего коллеги в детский сад с вопросами о моей «нестабильности»?

Улыбка Павла Андреевича впервые стала тоньше.

— Я не готов комментировать эмоциональные формулировки.

— А юридические?

— Юридически отец имеет право участвовать в воспитании ребёнка.

— А мать имеет право не отдавать ребёнка в неизвестном направлении без установленного порядка и без предупреждения.

Он наклонил голову.

— Никто не говорит о неизвестном направлении.

— Тогда куда Аркадий собирался сегодня забрать сына?

— К себе.

Я посмотрела на него.

— К себе — это куда? В квартиру, где мы живём? Или в другое место?

Он промолчал на секунду.

Всего на секунду.

Но я уже знала: вопрос был правильным.

— У Аркадия Сергеевича есть возможность обеспечить ребёнку комфортные условия.

— Адрес?

— Алина Сергеевна...

— Адрес, куда отец хотел увезти моего четырёхлетнего сына без согласования со мной?

Мама рядом едва слышно сказала:

— Вот именно.

Павел Андреевич закрыл папку.

— Вы настроены конфликтно.

— Я настроена конкретно.

В этот момент ворота открылись, и к нам вышла Анна Павловна, воспитательница. За ней — заведующая, Татьяна Игоревна, женщина лет пятидесяти с уставшим, но строгим лицом.

— Доброе утро, — сказала заведующая. — Что здесь происходит?

Павел Андреевич тут же повернулся к ней.

— Доброе утро. Я представитель отца Арсения Левицкого. Хотел бы передать администрации уведомление о том, что сегодня ребёнка заберёт отец.

Он достал бумагу.

У меня внутри всё сжалось.

Как просто.

Бумага.

Папка.

Уведомление.

И живой ребёнок, который прижался к моей ноге.

Татьяна Игоревна не взяла документ сразу.

— Алина Сергеевна?

Я сделала вдох.

— Я прошу зарегистрировать моё заявление о том, что любые изменения в обычном порядке передачи ребёнка должны предварительно согласовываться со мной. Между родителями сейчас спор. Мой адвокат готовит документы. Я не запрещаю отцу общение, но прошу не передавать ребёнка без моего уведомления.

Заведующая посмотрела на Арсения.

Потом на меня.

Потом на юриста.

— Решение суда есть? — спросила она.

Павел Андреевич чуть нахмурился.

— Пока нет, но отец имеет равные права.

— Я не спорю. Решение суда о месте проживания ребёнка с отцом есть?

— Нет.

— Ограничение прав матери есть?

— Нет, но...

— Тогда детский сад не является площадкой для выяснения отношений между родителями.

Он поджал губы.

— Мы не выясняем отношения. Мы уведомляем.

— Уведомления передавайте через канцелярию. При ребёнке подобные разговоры вести не надо.

Я вдруг почувствовала, что могу дышать.

Не полной грудью.

Но хотя бы немного.

Арсений потянул меня за рукав.

— Мам, я опоздаю?

Я присела перед ним.

— Нет, малыш. Сейчас пойдёшь.

— А ты заберёшь?

— Я.

— Точно?

— Точно.

Он посмотрел на юриста.

Потом шепнул мне на ухо:

— Я не хочу с ним.

Сердце сжалось.

— Ты и не пойдёшь с ним.

— А с папой?

Вот здесь было больнее.

Я не могла сделать из Аркадия чудовище в глазах сына. Не могла, даже если он сам старательно шёл к этому.

— С папой ты погуляешь, когда мы заранее договоримся. Чтобы тебе было спокойно.

Арсений кивнул.

Я поцеловала его в лоб и передала Анне Павловне. Сын ушёл в сад, но несколько раз обернулся.

И каждый его взгляд был как маленький нож.

Когда дверь за детьми закрылась, Павел Андреевич стал другим.

Улыбка исчезла окончательно.

— Вы осложняете ситуацию, Алина Сергеевна.

— Нет. Я перестаю позволять осложнять её за мой счёт.

— Ваш муж хотел мирного соглашения.

— В котором ребёнок живёт с ним, а я получаю график встреч?

— Вы не имеете ресурсов для полноценного содержания ребёнка.

Мама резко вдохнула.

Я не дала ей ответить.

— Это будет решать не представитель моего мужа у ворот детского сада.

Он посмотрел на телефон в моей руке.

— Вы думаете, записи вам помогут?

— Думаю, мне поможет правда.

— Правда, — повторил он. — Правда в том, что вы не работаете, проживаете в квартире мужа, финансово зависите от него, действуете под влиянием матери и адвоката, провоцируете конфликт и создаёте препятствия для общения ребёнка с отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.